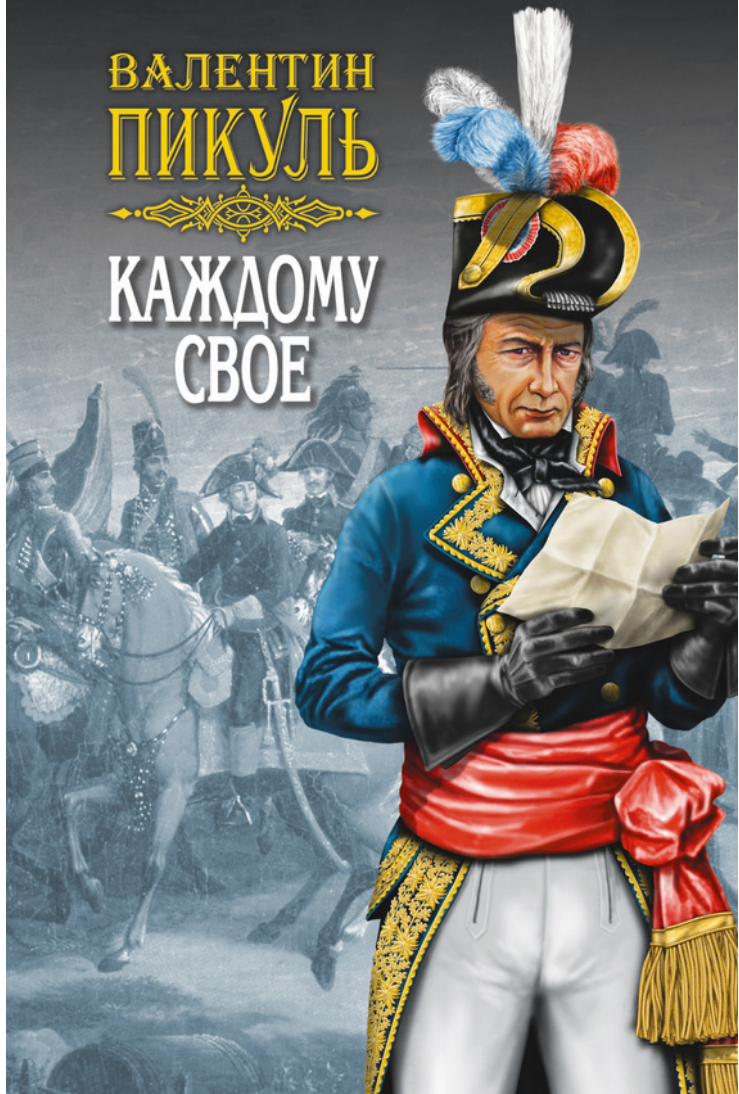

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

КАЖДОМУ
СВОЕ

Валентин Саввич Пикуль

Каждому свое

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125593
В. С. Пикуль. Каждому свое: Вече, АСТ; 2017
ISBN 978-5-4444-9073-0

Аннотация

...Генерал Моро.

Герой, вставший под знамена русской армии, одержавшей блистательную победу, – для нас...

Предатель, покинувший Наполеона и присоединившийся к его врагам, – для своих современников...

Почему блестящий французский полководец внезапно перешел на сторону врага?

Мотивы и мотивации этого скандального и великолепного поступка оживают под гениальным пером В.Пикуля...

Содержание

Часть первая. Гражданин Моро	5
Первый эскиз будущего. Кровь льется в Лонгвуде	5
1. Против Суворова	23
2. Враги народа	34
3. Пхе, пхе, пхе...	44
4. Пожалеем собачку	58
5. Скрестим оружие	69
6. Нетерпение	82
7. Начало века	91
8. Улица Победы	101
9. Всаднику оставаться спокойным	116
10. Его звездный час	134
11. Обострение	147
12. Адская машина	158
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Валентин Пикуль

Каждому свое

© Пикуль В. С., наследники, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Часть первая. Гражданин Моро

*Не честолюбие увлекло меня в среду воинов
свободы, но уважение к правам народов: я сделался
солдатом, потому что я был гражданином!*
Генерал Жан Виктор Моро

Первый эскиз будущего. Кровь льется в Лонгвуде

Весной 1818 года двухмачтовый бриг «Рюрик» завершал кругосветное плавание. Набрав свежей воды в Капе (ныне Кейптаун), корабль, гонимый ветром, вышел в Атлантику. 24 апреля по курсу была усмотрена земля – почти вулканический конус, поднимающийся из глубин океана. Отто Евстафьевич Коцебу, начальник экспедиции, окликнул лейтенанта Шишмарева:

– Глеб Семеныч, душа моя, отметьте в журнале: за пятьдесят миль к норд-вестовому румбу открылся остров Святой Елены. Стоянка возможна лишь на грунте Джемстоуна!

В тесной клетушке офицерской кают-компания, естественно, возник разговор о Наполеоне... Шишмарев сказал:

– Вот вернусь на родимую Тихвинщину, порадую жену с детками, а ведь до самой смерти не прощу себе, ежели ноне-

ча проплывем мимо Елены, не повидав знатного узника.

Того же мнения был и Адельберт Шамиссо, ботаник и зоолог корабля, славный немецкий лирик, переводчик русских поэтов; он сказал, что заточение Наполеона на острове – это волшебная тема для будущих поэтических озарений.

– Англичане – просвещенные мореплаватели, и нам, не менее просвещенным, они не откажут в желании видеть славного завоевателя в его заточении.

– Резон есть! – согласился Коцебу. – Российский же комиссар на острове будет рад передать депеши о Наполеоне не английскою почтой, а прямо в Петербург через наши руки...

Перед островом их задержала британская брандвахта. На «Рюрик» явился офицер королевского флота. Сопровождая его в каюту, Коцебу услышал внятный щелчок взведенного курка пистолета, упрятанного в рукаве мундира.

– К чему ваша пиратская деликатность? – возмутился Коцебу. – Или собираетесь стрелять мне в спину?

Пистолет из рукава переместился в карман.

– Русский бриг вошел в запретные воды, где мое королевство охраняет интересы мира в Европе...

Коцебу объяснил, что мир не вздрогнет, если они примут почту для канцлера Румянцева, на личные средства которого и образована научная экспедиция «Рюрика».

– Научная?.. – недоверчиво хмыкнул англичанин. – Именем короля предупреждаю, чтобы вы не вздумали ночью соваться в Джемстоун, а я доложу своим адмиралам и русскому

комиссару о вашем неожиданном появлении возле острова...

Ночь провели в дрейфе. Утром завиднелись прижатые к скалам домишки Джемстоуна, над ними нависали крутые горы, неприступные с моря. Шишмарев внимательно огляделся:

– Здесь будто в Гибралтаре или на Мальте, но возня с фортификацией не закончена. Вижу, как из траншей вылетает земля, а солдаты тащат пушки на горные вершины...

Первое ядро пронеслось над гафелем, никого не испугав, только удивив моряков, а на борт резво поднялся со шлюпки офицер линейного корабля «Конкерор»; он сразу заявил, что батареи гарнизона стреляют, очевидно, по ошибке.

– Наш губернатор, сэр Гудсон Лоу, содержит остров в безопасности, и Бонапарту, этому извергу рода человеческого, не улизнуть отсюда, как это случилось на Эльбе, после чего он и принял от нас горячую ванну под Ватерлоо...

Пышная тирада была прервана огнедышащим брандс-кугелем, а перепуганный гость заторопился обратно к трапу:

– Опять ошибка! Но сейчас все выяснится...

После его отбытия ядра посыпались гуще и плотнее. Лейтенант Шишмарев скомандовал канонирам на пушку:

– Заряжай! Коли по ошибке стреляют, по ошибке и топят. А мы не таковские... Клади, ребята, первую!

«Конкерор» многопушечной массой надвигался на маленького «Рюрика» – как толстокожий носорог на жалкого кролика. Коцебу крикнул Шишмареву, что каждый благо-

склонный прием нуждается в самой высокой благодарности:

– Ну-ка, залепи им, сукиным детям!..

– Первая пошла... – доложили канониры.

– Клади вторую! Не хотят Наполеона показывать, так мы ихней милости все фонари и стекла перекалечим... Клади!

Отстреливаясь, «Рюрик» наполнил паруса ветром, снова растворяясь в безбрежии океана. Через три месяца корабль бросил якоря на Неве, пред самым домом государственного канцлера, графа Николая Петровича Румянцева. Благожелательный к наукам вельможа, он долго осматривал привезенные для Академии наук восточные коллекции, с большим вниманием выслушал рассказ о кошмарном визите в Джемстоун.

– Аглицким разбоем на морях уже по горло мы сыты... Я давно склонен к мысли, что Лондону прискорбно каждогодно тратить *восемь миллионов* на охрану Наполеона, держать вдали от метрополии образцовую пехоту с артиллерией и две посменные эскадры адмиралов Малькольма и Пампейна.

– Вы их... подозреваете? – спросил Коцебу.

– Англичан все подозревают. Дабы избавить Сити от лишних расходов, они будут рады избавиться и от Наполеона. Сейчас все зависит от его здоровья, а после русского похода именно здоровьем император не может похвастать.

– Каков же его недуг, ваше сиятельство?

Румянцев приложил ладонь к левому боку, затем медленным жестом перевел ладонь в область желудка:

– У него боли... вот тут! Об этом Петербург извещен от российского комиссара на острове Святой Елены...

Этим комиссаром был граф Александр Антонович де Бальмен; служебный формуляр его испещряли отметки об исполнении тайных поручений в лагере наполеоновской коалиции или в странах, подвластных турецкому султану Селиму III. Кажется, уже тогда его глаза стали заполнять мутные катаракты, вызванные неумеренным употреблением подзорной оптики, что грозило де Бальмену полной слепотой. 80 000 франков, получаемые для представительства на острове Святой Елены, не сделали его богачом, хотя комиссар был еще холост, а жил очень скромно. В эту пору Бальмен свел знакомство с О'Меара, врачом британской эскадры, который сумел завоевать личное доверие Наполеона. Гудсон Лоу, между прочим, третировал врача, он фальсифицировал бюллетени о здоровье императора и даже утверждал, что Наполеон... притворяется: «На самом же деле нет человека здоровее его, и безбожный злодей переживет всех нас!» Явная клевета губернатора, подхватываемая лондонскими газетами, обретала официальный тон. Но врач оставался верен клятве Гиппократа, хотя он и знал беспощадность королевской юстиции. Однажды за выпивкой в доме русского комиссара он честнейше заявил графу де Бальмену:

– Если бы я точно исполнял инструкции Лондона, генерала Бонапарта давно бы не было в живых. Надеюсь, это признание останется между нами. Вам нет смысла губить меня.

...Русская публика узнала об этом лишь в 1869 году.

«Кровь льется в Лонгвуде», – сообщал де Бальмен. Высокообразованный человек гуманного толка, он оставил по себе славу ловкого агента секретной службы, его имя сохранилось и в дипломатии. Джавахарлал Неру в своих трудах по истории не забыл упомянуть и де Бальмена... Наполеон писал в завещании: «Я умираю преждевременной смертью как жертва английской олигархии и ее наемных убийц». Много позже, когда в Петербурге де Бальмена спрашивали, винит ли он Англию за жестокость, граф отвечал английскою же поговоркой:

– «Англия всегда права, даже в том случае, если она не права». Однажды я завел перед Гудсоном Лоу речь об ослаблении режима в Лонгвуде, на что Лоу ответил мне так: «Каждый англичанин знает, что он может быть повешен... Значит, могу быть повешен и я!» Судите об этом сами, дамы и господа...

.....

Джемстоун – гарнизонный поселок, в котором были даже лавки и прачечные, поддерживалось жалкое подобие европейской цивилизации. Но англичане заперли Наполеона подальше от людей – в ущелье Лонгвуда, где бревенчатый дом гнил от дождей, долину окутывали влажные туманы, а дыхание Африки иногда копило в низине духотищу, невыносимую даже для негритянской прислуги. Губернатор Лоу посылал в Лонгвуд разрозненные листы газет, нарочно путая

их пагинацию и хронологический порядок, дабы Наполеон еще больше ощущал свою полную изоляцию от мира... Император расплачивался с англичанами беспардонной грубостью выражений, в общении с адмиралом Малькольмом позволял себе разоблачать самые сокровенные тайны британской политики.

– Бросьте нахваливать благородство своих кумиров! Я ведь не забыл, как ваш посол Чарлз Уитворт, когда я был еще первым консулом, – уже тогда! – клятвенно заверял, что Лондон сделает меня королем, если я откажусь от Мальты. Вы решили, что я слабоумный. Англия, не пролив ни капли крови, укрепилась бы в Ла-Валлетте, а меня с титулом короля парижане уже тащили бы за волосы до ближайшей уличной гильотины...

С адмиралом они всегда препирались, ибо упрямый британец постоянно именовал Наполеона генералом Бонапартом.

– Я перестал быть генералом Бонапартом после Египетского похода... Я отрекся лишь от престола Франции, но я не отрекался от титула императора, который обрел не милостью Божьей, как иные монархи, а завоевал его кровью...

Вокруг него в Лонгвуде сам по себе сложился «двор», пусть далекий от прежней пышности Сен-Клу, но с прежними повадками, включая женские интриги, лакейское злоречие мужчин, острое желание каждого урвать долю ласки от сердитого повелителя. Многие добровольно последовали

за ним в ссылку – с женами и детьми. А замыкал фалангу придворных пан Пионтковский, который так долго воевал за чужую «свободу», что и сам не заметил, как очутился в конюшнях Лонгвуда со своим неизменно ласковым «пше проше, пане».

– Дальше этого острова, – мудро изрекал он, – нам спешить уже некуда. Это как раз та самая последняя станция на планете, где всем подают экипажи с траурным флером...

Если кто из англичан выражал сочувствие Наполеону, его немедленно отсылали в метрополию. На вопросы комиссаров о здоровье Наполеона Гудсон Лоу хамски отвечал: «Он существует, и этого вам достаточно». Ежедневно офицер-надзиратель в Лонгвуде требовал появления Наполеона. При этом император выглядывал в окно или выходил на веранду.

– Нет, я еще не убежал, – говорил он, привычно складывая на груди руки. – Можете в этом рапорте для губернатора особо указать, что вся эта комедия – позор для Англии, и образованная Европа никогда не простит глумления надо мною. Теперь я глубоко сожалею, что доверился вашей мерзкой нации, а не угодил в плен к диким русским казакам.

Англичане охотно беседовали с Наполеоном.

– Попадись вы казакам, и пьяные русские бояре заморозили бы вас в Сибири до состояния прозрачной сосульки.

– Чепуха! – огрызался Наполеон. – Я проживал бы в лучших дворцах Петербурга как знатный гость русской нации...

Гудсона Лоу он не пускал к себе. Не возникло у него отношений и с комиссарами. Бережливый король Пруссии, экономя пфенниги даже на пиве, отказался иметь посла для надзора за императором. Королевская Франция направила на остров маркиза Монтеню, Австрию представлял недалекий барон фон Штюрмер... Никого из них Наполеон видеть не желал.

– Париж прислал паралитика-маркиза, которого я, жалею, не повесил раньше – как уличного попрошайку. А кого представляет здесь Штюрмер? Только моего тестя, императора Франца, который два раза отдавал мне свою столицу, а потом отдал и свою дочку. Мне бы следовало жениться на русской великой княжне Екатерине, и тогда Европа была бы у меня в шляпе... Я, – говорил Наполеон, – желаю теперь общения только с русским комиссаром, но Гудсон Лоу, этот жалкий ублюдок, не позволяет встреч с графом де Бальменом, пока я не приму в Лонгвуде высокорожденного воришку Монтеню заодно с венским олухом Штюрмером... Как тут быть?

Однажды к Бальмену, гулявшему по единственной улочке Джемстоуна, подошла нарядная девочка – Бетси Балькомб.

– Что тебе, дитя мое? – спросил комиссар.

– Бони сказал, что хотел бы видеть вас в Лонгвуде... не как комиссара, а просто гостем в его доме.

– Кто такой Бони?

– Так я зову императора Наполеона.

– И он не обижается?

– Нет, он смешной и добрый...

Недавно стало известно, что часть золотых сервизов Наполеон превратил в лом, желая обратить их в звонкую монету. В частной беседе с Лоу граф де Бальмен удивился столь быстрому обнищанию Лонгвуда, но губернатор высмеял его домыслы:

– Очередной фарс генерала Бонапарта, желающего вызвать жалость европейцев к своей персоне. Мы знаем, что он еще способен ворочать миллионами. А корежит сервизы нарочно, дабы не открылись адреса его тайных капиталов, на общей сумме которых можно образовать целую армию, чтобы затем повторить весь покер сначала – от Маренго до Ватерлоо...

Наполеон то впадал в меланхолию, то вдруг, оживленный, звал камердинера:

– Маршан, надеюсь, ты не забыл, что я указывал тебе вчера о моих сегодняшних удовольствиях?

Маршан вчера загулял и ничего не помнил.

– Помню, ваше величество, – бодро отвечал он, а потом спрашивал у графа Бертрана: – Что ему от меня понадобилось?

– Глупец, – отвечал генерал, – своди императора на курятник, и пусть он перережет наших кур, оставив Лонгвуд без единого яичка к завтраку. Если уж его величество заговорил об удовольствиях, значит, он хочет крови...

Бертран во Франции был заочно приговорен к смертной

казни, но англичане почему-то не выдали его на расправу.

.....

Лонгвуд всю ночь поливали дожди. В доме потрескивали ветхие паркетные доски. Наполеон бродил по комнатам в турецком тюрбане, держа бильярдный кий. Толчками этого кия он открывал скрипучие двери. Утром состоялось бритье в присутствии Бертрана и Монтолона, двух приближенных.

– Граф Бертран, как моя левая щека?

– Идеально, ваше величество.

– Граф Монтолон, а как с этой стороны?

– Превосходно! Будто вас побрил сам генерал Моро...

– Зачем вы вспомнили этого человека?

– Только потому, что он любил это занятие и к нему в походный шатер солдаты шлепались, как в бесплатную парикмахерскую. Простите, ваше величество. Упоминанием о Моро я никак не желал доставить неудобство вашему величеству.

– Хорошо. Пусть подадут одеваться.

– Какой костюм изволите сегодня?

– Сегодня, пожалуй, охотничий...

Он сам застегнул пуговицы, изображавшие головы рысей, кабанов, лисиц, волков и зайцев. Завершив туалет, Наполеон проследовал на кухню, где с утра орудовал повар.

– Я ничего уже не хочу, – сказал император, присаживаясь возле горячей плиты. – Но по опыту жизни знаю: как бы мало ни съел человек, все равно ему будет много... Непости-

жимо! – вдруг воскликнул он, громко шлепнув себя по жирным ляжкам. – Я столько лет сражался с Англией и, оказывается, всегда имел о ней неверное представление... Какое утонченное коварство! Запереть меня здесь. В этом ущелье. На этой кухне.

Повар назвал англичан нацией торгашей, чем и выказал знакомство с экономическими трудами Адама Смита.

– Джентльмены торгуются с Маршаном из-за бутылки уксуса или фунта потрохов с таким апломбом, будто они закатились прямо на Венский конгресс и речь идет о престиже их поганого королевства... Так я вам сделаю баранью отбивную?

– Только с косточкой, – напомнил узник Европы.

На кухне появилась графиня Монтолон, которая под конец войны нашла четвертого мужа в свите Наполеона, почему теперь и «блистала» на самых задворках мира.

– Я не выдержу! Всю ночь в моей спальне бегали крысы. Опять дожди, дожди... А у меня что-то с печенью.

– У меня тоже, – вяло отозвался Наполеон. – Я жду О'Мера и скажу ему, чтобы он прописал вам каломель... Сегодня на рассвете я слышал далекий гул пушечных выстрелов.

– Да, – ответила женщина, – кажется, это стреляли корабли. Маршан уже поехал за брюквой в Джемстоун, уж этот пройдоха как следует вынюхает там все новости...

Во время обеда придворные были счастливы предложить ему салфетку или убраться пустую тарелку, а Наполеон при-

нимал ухаживания так, будто родился в колыбели Бурбонов или Габсбургов. При этом оставался внимателен даже к пустякам.

– Бертран, ваша поза может нравиться только вам.

– Извините. Я нечаянно прислонился к стене.

– Я вас уважаю, но сидеть позволяю лишь в том случае, когда я лежу. А когда я сижу, все обязаны стоять. Это золотое правило подтверждено практикою монархов всего мира...

После обеда он мурлыкал песню нищих итальянских лаццарони. За этим занятием его и застала радостная Монтолон.

– Маршан вернулся, – сообщила она. – Джемстоун гудит с утра, словно улей. Оказывается, вчера русский бриг просил свидания с де Бальменом, который, будучи извещен об этом с эскадры, всю ночь не спал, составляя реляции для своего царя. А утром англичане, не успев отомолиться, палили по бригу с «Конкерора» из пушек, и теперь Гудсон Лоу клятвенно заверяет Бальмена, что «Конкерор» отогнал залпами лишь бродячее судно. Русских же кораблей у острова вообще не бывало...

– А! Как я рад этому скандалу... Наконец-то мои тюремщики оскорбили не только меня, но задели и честь царя Александра в лице его уполномоченного... Прелесть моя, – нежно произнес Наполеон, – позовите ко мне своего мужа.

После секретной беседы с императором Шарль Тристан Монтолон навестил в Джемстоуне русского комиссара. Бальмен проявил любопытство к ртутным препаратам, которыми

О'Меара лечил от «завалов» больную печень Наполеона.

– Скажите императору, что пожар Москвы не будет забыт русским народом, но в нашем образованном обществе уже складывается искреннее сочувствие к его трагической судьбе.

– Пожар Москвы, – подхватил Монтолон, – многое повернул в ложную сторону. Теперь мой император признает, что, вступив в Вильно, ему не надо было двигать армию на Смоленск, ему следовало из Вильно диктовать условия мира...

Монтолон ранее возглавлял французскую разведку в Германии, и теперь им, двум конспираторам, вроде бы и не стоило притворяться. Все уже давно ясно, как и этот вопрос:

– Что привело вас ко мне, граф Монтолон?

– Распоряжение императора. Он составил обширное письмо для Александра и просит вас найти верный и тайный способ переправить его в Петербург – лично в руки царя...

Бальмен ответил, что комиссаров Европы обязали присягою каждую строчку Наполеона показывать прежде Лоу.

– А каков Лоу педант, в Лонгвуде извещены достаточно...

Монтолон еще не закончил своей прелюдии:

– Вы и сами, конечно, знаете, что в Тильзите и Эрфурте мой император с вашим говорили о будущей политике мира не только то, что вошло в протоколы, а из протоколов механически перейдет в историю. Между ними возникло, я бы сказал, немало интимных политических связей, которые не должны быть известны истории. Раскрытие же этих тайн по-

влекло бы за собою некоторые осложнения для русского кабинета...

Желтый попугай, соскочив с жердочки, пролетел над столом и уселся на отставленный палец русского комиссара.

– Вы меня, кажется, шантажируете?

– Нисколько, – поклялся Монтолон.

– Но ваши слова...

– Они ведь тоже не для протоколов!

– Иначе говоря, – констатировал де Бальмен, – сверженный император желает вступить в официальную, но сугубо секретную переписку с российским кабинетом... Ради чего?

Этот вопрос графа Монтолона не смутил:

– Я думаю, еще не все потеряно... Еще возможны всякие конвульсии в политике. Но история нашего века не будет дописана, если Бонапарты не вернутся на престол Франции.

– Возможно, – кивнул комиссар. – Но вряд ли при нынешних обстоятельствах может возникнуть политическая ось: ПЕТЕРБУРГ – ЛОНГВУД... Это было бы просто смешно!

– Я не все сказал, – вкрадчиво произнес Монтолон. – Вы возьмите письмо, и Наполеон согласен отсчитать для вас миллион золотом. Потом можете просить еще... миллионы!

Подозрения Лоу о нераскрытых источниках богатства династии Бонапартов, кажется, подтверждались. Бальмен задумчиво гладил хохолок на головке умного попугая.

– У себя на родине я не считаюсь богатым. Но слыву за честного человека. Иначе, согласитесь, меня в эту «дыру»

и не послали бы... Оставим миллионы в покое! Но возьми я письмо Наполеона, и это грозит мне крахом судьбы.

– Да, крахом, – отвечал Монтолон. – Мой император предвидел ваши опасения и просил успокоить вас: наказание будет условным, затем последует небывалый взлет вашей карьеры. Над затухающими головешками Москвы именно вы объедините пожатия двух великих монархов и сердца двух примирённых наций... За вами последнее слово, граф!

– Мое последнее слово таково: все, что здесь было сказано, я никогда не оставлю в тайне от Петербурга...

Наполеон после этого опустошил курятник, безжалостно расстрелял в упор ласковую козочку графини Монтолон, своей последней в жизни фаворитки. Когда женщина разрыдалась от горя, он грубо накричал на нее:

– Перестаньте лить слезы, мадам! Не сидеть же мне тут без дела. Должен же я кого-нибудь убивать...

.....

И опять за окнами Лонгвуда вечерело. Наполеон блуждал вокруг громадного бильярда, бессмысленно передвигая шары руками. Доктор О'Меара стоял, и не было еще такого случая, чтобы знаменитый пациент предложил ему сесть. Конечно, император догадывался, что О'Меара (и не только он!) ведет регулярный учет его обращениям к прошлому, чтобы потом – на основании этих бесед – сложить книгу. Доктор, хорошо изучивший внутренний мир своего больного, наводящими вопросами провоцировал Наполеона на от-

кровенность; он знал, что император, подобно всем корсиканцам, всегда был страшно суеверен, боялся разбитых зеркал, цифры 13 и буквы М. Наполеон говорил:

– Все исполнилось! Нельзя мне было в пятницу покидать Сен-Клу перед походом в Россию, а в канун Ватерлоо я видел осколки зеркала. Москва начинается с роковой буквы М, я боялся даже людей с фамилиями на эту букву. Судите сами: Мале, выбравшись из бедлама, три часа управлял Парижем в мое отсутствие, а генералы Мортье и Мармон подписали позорную капитуляцию Парижа перед русскими...

– Ваш любимый шурин Мюрат, король Неаполя?

– Петух, которого я разукрасил орлиными перьями. Боясь за свой престол, он предал меня – и сразу погиб.

– Наконец, ваш славный маршал Массена?

– Да, этот негодяй был талантлив, но мошенник каких мало. Массена воевал ради добычи, не стыдясь обворовывать своих же солдат. Армия дважды бунтовала... – из-за него...

Доктор деликатно напомнил о Моро, и при этом имени Наполеон нервным движением руки поправил на лбу челку.

– Моро был отличным полководцем. Но я ставлю его ниже Клебера, Дезе и даже Сульта... Моро недоставало огня! Для воодушевления Моро требовалось, чтобы вокруг стали падать мертвецы. Тогда он раскуривал свою трубку и залезал в самую гущу драки. Впрочем, – добавил Наполеон, – Моро имел очень добрую душу, он любил смешить людей. Вся беда в том, что ему попала одна вертлявая креолка, которой

он подчинился, прельщенный ее красотой и юностью. Она и вертела им как хотела... Я уже не помню, – поморщился Наполеон, – когда мы с Моро не могли поделить Францию.

Он молча обошел бильярд, вынул из лузы шар номер 13 и неожиданно заявил доктору:

– Франция должна забыть Моро! Пусть он сохранится в памяти русских историков, и то лишь потому, что сражался с Суворовым... Но я до сей поры не знаю, как светило бы мне солнце судьбы, если бы Суворов дожил до Аустерлица!

1. Против Суворова

В пасмурных долинах Ломбардии ржали усталые кони, дымили походные кузницы, пахло перегнившей соломой и острой лошадиной мочой. Италия встретила русских холодными дождями, дороги развезло от грязи...

Была ранняя весна 1799 года.

Мосты через Адду, kloкочущую от обилия дождей, были взорваны отступившими французами. Суворов проснулся в четвертом часу ночи, велел подавать щи. Адъютант Кушников задернул полог шатра, чтобы ветер не гасил свечи.

– Ну, – спросил Суворов, – нашли жирную свинью?

– Одно сало! Казаки бросили ее в Адду, она даже хрюкнуть не успела, так и закрутило... Вечная хрюшке память.

– Скверно, – огорчился Александр Васильевич...

Из всех животных лучший пловец – свинья, и уж если даже она потонула – значит, нельзя пускать вплавь и конницу. Тут появился напыщенный секретарь Егор Фукс, сообщивший, что ночью из Милана вернулся лазутчик с новостью:

– Парижская Директория поручила управлять армией в Италии новому командующему – генералу Моро, а он из разжалованных, ему по делу Пишегрю чуть было голову не снесли.

– Моро... Моро... – призадумался Суворов, напрягая память. – Не тот ли это Моро, который насмешил всю Европу,

когда его *кавалерия* захватила *флот* у голландцев?

– Да, история не знала подобного: Моро атаковал флот в гавани, его гусары Лагюра въехали на палубы кораблей и саблями изрубили все снасти такелажа.

– Каков храбрец! При косе Кинбурнской я пускал казаков морем в воде по брюхо, но корабли брать... не додумался. Егор Борисыч, – распорядился Суворов, – пошлите Моро мое приветствие по случаю его назначения.

– Слушаюсь, – отвечал Фукс с поклоном.

Кушников по газетам знал: Моро – из якобинцев, сейчас ему тридцать пять лет, а слава его викторий гремит по всей Франции.

– У них все гремит. Неужто он и Бонапартия злее?

– Не осмелюсь сравнивать. Но Бонапартия и Моро французы под масть на один шесток садят. После сих имен в Париже почитаются еще свирепые генералы – Дезе и Жубер.

– Ладно. Славных бить – больше славы! Жаль, что Бонапартий запропал в Египте под сенью пирамид фараоновых. Я ведь за его горячками давно с вожделием надзираю...

Итальянская кампания началась успешно. Россия состояла в альянсе с Австрией, под знаменами Суворова сражались итальянские волонтеры. Армия форсировала Адду по зыбким понтонам. На другом берегу генерал Моро ворвался прямо в казачью «линию» – вжик! – уже отсекли поводья, но Моро четкими ударами сабли избавил себя от неизбежного плена.

– Узнаю повадки гусара! – сказал Суворов.

За рекою простерлись дороги на Милан; дожди разом схлынули, напала адовая жарница. Среди солдат слышалось:

– А пельцынов-то не видать. Сначала грязюка, бытто в России, ныне сухота эка, а кады ж пельцыны созреют?..

Суворов окликнул донского атамана Денисова:

– Адриан Карпыч, открой ворота в Милане...

Было воскресенье: на улицах Милана царил оживленный карнавал, нарядные кавалеры жеманно танцевали с прекрасными синьорами и синьоринами. Нищие жители предместий весело обозревали неведомых людей с курчавыми бородами, поначалу приняв казаков за русских... монахов:

– *Saracini Russi!* – кричали в толпе.

Атаман Денисов растолковал как умел:

– Добрые миланцы! Не попы мы московские, а казаки с тихова Дону... Не верьте афишам парижским, будто мы младенцами кормимся да женок чужих задираем. Не хотим мешать и веселью вашему. Танцуйте далее себе в забаву, а мы, квартир ваших не беспокоя, на мостовых выпьемся... Дадите соломки постелить – спасибо, не дадите – Бог с вами!

Когда Суворов въезжал в Милан, балконы домов были украшены коврами и шальями, женщины бросали цветы под копыта русской кавалерии. Фельдмаршал укрывался внутри возка (спасаясь от жары, он разделся до исподнего). Подле кареты ехал верхом в пышном мундире важный секретарь Фукс, которого миланцы ошибочно сочли за великого пол-

ководца:

– Виват Суворов – избавитель Италии!

Фукс охотно принимал поцелуи красавиц, часто кланялся из седла публике. Вечером ему было сказано:

– Ну, Егор Борисыч, спасибо – выручил.

– За что благодарность вашего сиятельства?

– Да уж больно хорошо за меня кланялся...

Вечером в миланском Ла Скала божественная Джузеппина Грассини пела для русских офицеров, но Суворов в театр не поехал. Фельдмаршал развернул карту перед Багратионом.

– А что, князь Петр? – сказал он любимцу. – Генерал-то Моро выявился неплохо... Немало у него в голове всякой мебели, да и чердак свой он, видать, исправно проветривает. Чую, разгадал он меня, старика, но я все-таки понял его лучше...

У безвестной деревни Маренго Багратион напал на войска Моро; французы, хотя их было меньше русских, сражались превосходно, на место битвы прискакал Суворов – с укором:

– Ах, князь Петр! Упустил ты Моро, упустил...

Моро отвернул в сторону Генуи, Суворов – к Турину. Но всюду русские ощущали тактическое мастерство противника, Моро удивлял Суворова гибкостью блистательных маневров.

– Генерал искусных ретирад! Пожалуй, никто еще столь ловко не увертывался из моих объятий, как этот жакоби-

нец...

В сражении у Треббии русские одержали победу, а в июне адъютант Кушников доложил полководцу:

– Директория во главе с Баррасом отзывает Моро в Париж для оправдания в ретирадах перед нами. На его место директор Сийес шлет задиристого генерала Жубера...

– Жаль! – отвечал Суворов. – Мне жаль Моро, который, вопреки мнению парижских бездельников, сражался с нами хорошо... даже очень хорошо! Что подарить ему на прощание? Велю пленных офицеров-французов отпустить обратно к Моро... Да, хватит на них наши макароны переводить!

.....

Поспешая в Италию, генерал Бартелеми Жубер завернул в провинцию, где томилась его невеста. Гремя шпорами и растревожив сельскую идиллию звоном сабли, всегда неотразимый, излучая бешеную энергию, Жубер суматошно взывал к перепуганным родителям обрадованной невесты:

– Свадьбу! Без промедления... Что вы копаетесь с посудой и перинами? Вы имеете дело с самим Жубером, а ему дорога каждая секунда – его ждет сам Суворов...

Утром он оставил счастливую жену:

– Ах, чудо мое, почему я не могу взять тебя в Италию, чтобы ты насладилась видом моего торжества?

– Чего не увижу, о том услышу, мой дорогой.

– Да! Мир еще содрогнется при этом имени – Жубер...

Моро был его давним приятелем, он сразу усадил Жубера

перед собой и как следует наточил ужасную бритву.

– На худой конец, в отставке я могу ведь открыть цирюльню. А на вывеске изображу комету, летящую над крышами Парижа, и пусть комета станет символом той небывалой скорости, с какой я из волосатых дикарей произвожу людей... Готово!

– Как? Уже? – поразился Жубер.

– Да, – сказал Моро, вытирая бритву.

– Не выдумывай, Моро, – ответил Жубер. – К чему тебе скоблить чужую щетину, если ты готовился в адвокаты?

– Но предпочел сражаться за революцию... Мы с тобою проделали скорый марш, не правда ли? Два-три года в седле – и солдаты стали дивизионными генералами. А теперь я только гражданин Моро, проигравший кампанию... Мы посадили в Италии «деревья свободы», но свободы не дали. Напротив, мы разорили итальянцев, и без того нищих. Меня в Ривьере народ провожал свистом, а Суворов въехал в Милан по цветам...

– Ты отчаялся, Моро? Ты устал?

– Возможно. Но когда в Париже кричат о том, что Франция несет миру освобождение, я думаю, прежде надобно спросить у народов – хотят ли они такого «освобождения», когда их грабят, дабы насытить алчную Директорию?

Личная дружба с Жубером не позволила Моро страдать самолюбием, и он предложил себя в роли советника.

– Иного от тебя не ожидал, – обрадовался Жубер; давний

соратник Бонапарта на полях битв, он верил только в наступление. – Этого, кстати, ждут от меня и в Париже!

Моро наклонил кувшин, разливая вино:

– Этого, кстати, ждет и армия Суворова.

– Так в чем же дело? – хохотал Жубер. – Если желания Суворова сходны с желаниями нашей Директории, так мы завтра же устроим здесь отличную потасовку...

Моро оставался чересчур рассудителен:

– Открыть сражение способен любой деревенский башмачник, но иногда и гений не может его закончить. Финалы битв опаснее их начала. Я не имею точной диспозиции боя, о котором ты говоришь с таким упоением. Зато я, – заключил Моро, – ясно вижу диспозицию к нашему отходу... в горы Овадо!

Это признание возмутило пылкого Жубера:

– О чем ты, Моро? Три года назад мы завоевали Италию, и французы не могут уйти домой, как провинившиеся дети, которых отсылают спать. Будь сейчас Бонапарт с нами, он бы уже утром свалился с гор на бивуаки русской армии...

Французы развели костры под городом Нови, что лежал к северу от Генуи. Жубер раскрыл походную кровать подле кровати друга. Главное еще не было сказано. Наконец он сознался, что перед отъездом из Парижа имел опасную беседу с директором Сийесом, который намекнул, что Франция настолько изнемогла от разврата Директории и голодания, что, появившись в Париже человек со шпагой, дерзкий и популярный

в народе, он способен увлечь Францию к новой славе.

– Сийес сказал, что Бонапарт вряд ли уже выберется живым из Египта, его армию можно списать в убыток военных расходов, а человеком со шпагой могу стать я! – Жубер дунул на свечи, гася их, в темноте добавил: – Завтра я разобью армию Суворова, чтобы триумфатором вернуться в Париж, где и стану властелином всей Франции... Моро, ты станешь моим военным министром – моим Карно!

– Спокойной ночи, Жубер, – отозвался Моро...

Сражение при Нови открылось в четыре часа – на рассвете. Суворов навалился на левое крыло французов, союзники удачно смяли его, и это привело Жубера в бешенство.

– Коня! – крикнул он. – Я приехал сюда не наниматься в ученики Суворова, а русские не похитят моих лавров.

Роковая пуля выбила его из седла на полном скаку. Падая наземь, Жубер прохрипел последние в жизни слова:

– Только вперед... честь, слава... Франция!

Моро снова принял командование армией:

– Не я бой открывал, но мне суждено заканчивать...

Он усилил левое крыло, ослабив правые фланги, и Суворов, заметив это, указал Милорадовичу с Багратионом:

– Обрушьте их правый фланг... с Богом!

Багратион пошел в обход Нови, где засел Сен-Сир со своим войском, и на этом пути князь Петр чуть не сложил голову. Громадные ядра с тупым звуком сотрясали землю, отчего лошади разом вставали на дыбы, сбрасывая седоков, звеня-

щих тяжелою амуницией... Милорадович возник из клубов порохового угара, в ярости он глубоко всадил в землю мерцающий палаш.

– Не пройти! – сказал он Суворову. – Можете расстрелять меня тут же, но таких свалок я еще не видывал...

Русские батальоны в который раз откатывались назад, уже раздерганные в рукопашных безумиях.

– Крепок француз севодни... крепок! – горланили ветераны. – Ничем его не возьмешь, хоть зубами гризи...

Нерушимы были стены Нови, и, как стены, нерушимы казались французы, умевшие презирать смерть, как презирали ее и русские... Наконец настал тот исключительный момент боя, которого ждал Суворов: генерал Моро уже расплыл свои резервы, а Суворов их приготовил; почти спокойно фельдмаршал сказал:

– Начинаем все сначала... надо победить.

Шестнадцать часов длилось кровопролитие, и наконец французская армия была опрокинута. Моро был потрясен:

– Нам осталась одна дорога – в теснины Овадо...

С большими потерями он все-таки вывел из боя и втянул в ущелья остатки армий. В охотничьей горной хижине, сидя на вытертой козлиной шкуре, Моро снова обрел хладнокровие, каким неизменно славился. В убогое жильё собрались начальники сокрушенной армии. Моро велел своему адъютанту, Рапателю, поискать в седельных кобурах хотя бы огарок свечи.

С трудом он вглядывался в потемки хижины:

– Я не вижу всех генералов... Где Грушиг?

– В плену, – отвечали ему подавленно.

– Периньон?

– Тоже.

– Вотрен?

– Мертв.

– Сен-Сир?

– Не знаем.

– Лагори?

– Я здесь. Меня сам черт не берет.

– Итак, – продолжил Моро, – мы оставляем Италию... Рапатель, сумели вытащить Жубера из этой драки?

– Вытащили! Но он в лепешку растоптан копытами.

– Жубер только что женился, – сказал Виктор Лагори. –

Надо отправить его в провинцию. Пусть юная вдова и хоронит.

Моро вдруг потерял спокойствие, крича:

– Нет, нет, нет! Что эта дурочка знает о нем? Одна-то ночь

в жизни... Нет! Рапатель, отправь тело Жубера в Париж, и пусть директор Сийес устроит ему триумфальные похороны...

Из ущелий Овадо он переслал в Париж с оказией лишь одно частное письмо – для Жюльетты Рекамье. Между ними существовала давняя симпатия, которую они тщательно скрывали. В глазах парижского общества мадам Рекамье все-

гда оставалась целомудренна. Впрочем, женщина понимала, что Моро никогда не станет ее мужем, а Моро понимал, что Жюльетта никогда не оставит своего мужа... Уже в Провансе, по дороге в Париж, Моро настигло письмо актрисы Розали Дюгазон. «Приезжай! – молила она. – Ты застанешь меня святою...»

Моро запахнул плащ и шагнул в карету.

– Поехали дальше, – сказал он.

Спутникам Моро было странно слышать его слова:

– Если бы я не служил моей Франции, я хотел бы стать генералом российской армии...

.....

1799 год совместил в истории имена Суворова и Моро, а безжалостная смерть сблизила их могилы. Суворов лежит в самом конце Невского проспекта – на кладбище Александро-Невской лавры, а Жан Виктор Моро успокоился в оживленном центре Невского проспекта – в доме под номером 32/34, под которым ныне значится старинное здание римско-католической церкви. Суворову при погребении были отданы воинские почести как генералиссимусу, а Моро, его противник, был осенен почестями как фельдмаршал.

Это не бессмыслица: время имеет свою железную логику!

2. Враги народа

Тогдашние цены почти недоступны нашему пониманию, ибо люди, жившие в канун грозного XIX века, допускали в общении меж собою немыслимые сравнения. Говорили так:

– Письмо из Вены обошлось мне в шесть франков. На радостях я купил в Гомеле бутылку мозельского за восемь польских флоринов, а каждый флорин – пятнадцать венских крейцеров. Итого, друзья, я истратил всего полтора рубля!

На больших дорогах Европы грабили и убивали. Деньги переходили из рук в руки. К ночи дороги Франции пустыли, движение возобновлялось под утро. Загрузив дилижансы багажом и рассадив пассажиров по скамейкам, кучеры, влезая на козлы, обычно предупреждали:

– Приготовьте деньги, чтобы отдать их по первому свистку разбойников. А я остановлю лошадей сразу, ибо ради ваших кошельков рисковать жизнью не нанимался...

Въезд во Францию был тогда явлением подозрительным, а выезд из Франции почти преступен. Это каралось. Но умирать на эшафоте стало делом привычным, так и говорили:

– Э! Чихнем-ка мы в пыльный мешок...

С песней шли на эшафот якобинцы, с улыбкой, даже кокетничая, ложились под нож гильотины напудренные аристократки. Социальные различия были уравнены изобретением доктора Жозефа Гильотена, и теперь напрасно дворя-

нин молил судей о дворянской казни – через повешение.

– Веревка? Много захотел. Теперь все равны...

Бытовали выражения: «друг народа» и «враг народа».

.....

Враг народа граф Прованский (в эмиграции «де Лилль», будущий король Людовик XVIII) благополучно удрал из Франции, а после казни Людовика XVI объявил свету о своих наследственных правах на престол Бурбонов. Затем начались скитания... Его отовсюду изгоняли – из Турина и Венеции, из Австрии и Пруссии, короля грызли клопы на постоянных дворах, его обсчитывали в харчевнях, обворовывали на почтовых станциях; всюду презираемый, как бродячая собака, он нашел приют в Митаве, бывшей столице Курляндского герцогства... Замок герцогов Биронов был отделан изнутри с роскошью Зимнего дворца, здесь беглец и поселился с обнищавшею свитой, которая не гнушалась брать от местных «рыцарей» бочку салаки или воз подмороженной картошки. Этот курьезный «Версаль» в миниатюре имел даже своих послов – в Лондоне, Петербурге, Гамбурге и Неаполе. Придворные хроники сообщали о графе Прованском как о тупом обжоре, заядлом картежнике, который неспособен даже на то, чтобы завести себе фаворитку. Совсем иначе выглядит король в истории международного шпионажа: выдающийся мастер разведки, энергичный руководитель секретной агентуры. Именно отсюда, с берегов тихой реки Аа, король раскинул тенета заговоров и провокаций. Роялистские

оборотни, отлично подготовленные, не ведающие сомнений, маскировались бархатом аристократа или рубищем дровосека; их видели прелатами, писателями, бандитами, нищими, даже пламенными трибунами Конвента, зовущими народ к восстаниям. Людовик XVIII не был тряпкой: провалы переносил спокойно, никогда не падал духом. Он строил свои комбинации на подкупе политических лидеров, на предательстве популярных полководцев, способных увлечь армии под белые знамена с бурбонскими лилиями. Генералы Дюмурье и Пишегрю уже запутались, как мухи, в его липкой паутине, а теперь (кто бы мог поверить?) сам Баррас, глава Директории, тайно принял из Митавы почетные грамоты на имя «виконта де Барраса». Когда армия Суворова сражалась в Италии, митавский «Версаль» уже не сомневался, что 1799 год станет годом реставрации французской королевской монархии...

Был день как день. Обычный день королевский.

В польской каплице была отслужена обедня, потом граф Прованский в голубом мундире прошелся до трактира «Тобого», где скушал жирного угря, спровадив его в дальнюю дорогу кружкой чёрного курляндского пива. Он спросил:

– Не было ли сегодня газет из Франкфурта?

Франкфурт славился объективностью печати. Газеты сообщали, что армия Суворова уже взобралась на кручи Сен-Готарда, преследуемая генералом Массена, который при Цюрихе полностью уничтожил корпус Римского-Корсакова, а

генерала Моро ожидает теперь в Париже по меньшей мере отставка...

– Все эти известия неприятны моему величеству!

Король вернулся в замок, где его ожидал личный секретарь, кавалер Анжу.

– Вы слышали новости, Анжу? Будем надеяться, что оставление Италии не изменит политических намерений русского кабинета, а Павел Первый останется прежним врагом республики негодяев... Теперь, – сказал Людовик XVIII, – следует подумать о вашем воздействии на генерала Моро.

Анжу плотоядно потер ладони:

– Сир, вы предвосхитили мои мысли. Именно сейчас, когда Моро ждет в Париже расправа, он не станет колебаться.

– Разложите мне его характер по шкафчикам.

– На войне Моро довольствуется пайком солдата. Строгих нравов. Пока холост. Его невеста Гюлло, дочь казначея с острова Бурбон, учится в пансионе мадам Кампан. Моро флегматик. Человек выдающейся храбрости. В битве при Флерюсе он в бельевой корзине, привязанной к воздушному шару, взлетал до облаков, с высоты наблюдая за маневрами противника. Моро хорошо образован. Он латинист. И даже... с юмором.

– Что смешного он мог придумать?

– При осаде Майнца, когда якобинцы доедали сапоги и ранцы, Моро устроил роскошный пир. К столу он подал гро-

мадного жирного кота, запеченного в духовке, вокруг кота он элегантно расположил двенадцать зажаренных мышат...

Людовик XVIII не улыбнулся. Он сказал:

– Моро я напишу сам. Очевидно, мадам дю Шансене самая подходящая фигура для того, чтобы вручить это письмо...

Дю Шансене, вдова казненного памфлетиста, была в Париже ценным агентом роялистов. Анжу горячо возразил:

– Она интимная подруга Жозефины Богарне, и мы не вправе подвергать ее лишнему риску, ибо наша игра с генералом Бонапартом еще только начинается, сир.

– Кончается! Из Египта ему не выбраться: Средиземное море перекрыто эскадрами Нельсона... Кстати, Анжу, как поживает мадам Бонапарт, бывшая виконтесса Богарне?

В Митаве знали: Жозефина придерживается монархических воззрений, и потому ее держали в плотном оцеплении роялистов. (В скобках добавим: Жозефина в эпоху Директории была платным агентом министра полиции Жозефа Фуше.) Через директора Барраса, своего любовника, эта женщина добывала шпионам Людовика XVIII легальные паспорта для пребывания их во Франции. Анжу отвечал королю, что поведение Жозефины далеко не безупречно, эта вульгарная креолка как бы сознательно афиширует все то, что иная женщина старается скрыть.

– И если Бонапарт вернется, ему предстоят черные дни испытания ревностью. Недавно на курорте в Пломбьере под

Жозефиной обрушился балкон верхнего этажа, она сильно разбилась, но теперь снова танцует... Нам, – продолжил Анжу, – еще неясно, как поведет себя Моро, а потому, сир, побережем мадам дю Шансене, ибо ее связи с Жозефиной Бонапарт уводят нас далеко... очень далеко!

– Вы правы, – не возражал король. – Пусть с Моро повидается ваша невестка... как ее зовут сейчас?

– Ныне она затаилась под именем Блондель.

– Вот и отлично. Итак, любезный Анжу, я расставляю сети на Моро, а вы готовьте в дорогу барона Ги де Невилля...

Невилль, по мнению англичан, был образцовым конспиратором, менявшим Париж на остров Джерси, а Неаполь на Петербург с такой же завидной легкостью, с какой пассажиры из кареты пересаживаются в дилижанс, чтобы ехать далее.

– Да хранит вас Бог! – сказал ему король. – Это письмо, заверенное мною, вы доставите на улицу Раве, дом восемь, мадам Блондель передаст его генералу Моро. Но при этом она обязана напомнить ему о судьбе генерала Пишегрю...

Павел I выделял на содержание двора Людовика XVIII «пенсию» в размере 200 000 рублей ассигнациями (что равнялось 600 000 французских ливров), но двор бедствовал, ибо все денежки вылетали на борьбу с революцией, а шпионы короля посыпали свои тайные тропы золотыми луидорами.

.....

Все дороги Франции вели в Париж – дороги превосходные, по ним мчались желтые почтовые мальпосты, тащились возы с сеном, перегонялись табуны лошадей для «ремонта» кавалерии, босиком шагали галдящие войска. Путников поражало обилие яблоневых садов; но, сорвав яблоко, следовало съесть его, не отходя от дерева, иначе тебя сочли бы вором. Поля засеивались маисом, считавшимся символом революции. Возле деревенских кузниц висели на шестах красные фригийские колпаки – в знак того, что кузнецы еще не потеряли веры в якобинские идеалы. Колокола Франции молчали; на дверях запущенных храмов висели ржавые замки, монастыри опустели, в них разместились различные депо (склады) или общественные клубы, которые никто не посещал. Годы беспощадного террора со знаменитым тезисом: «Щадить людей – вредить народу!» – эти годы вызвали во французах отвращение ко всякой политике. Народ, запуганный и обнищавший, просто устал.

– Нам теперь безразлично, – говорили люди, – кто будет занимать покои в Сен-Клу или в Люксембургском дворце, лишь бы эти горлопаны не мешали нам своими декретами...

Вандея, извечная житница Франции, была обескровлена. У крестьян отбирали скот, возвращали же хозяевам, когда они складывали оружие. Но, сложив оружие, шуаны получали с острова Джерси новое – от англичан, и кровавая «шуанерия» (партизанская война) продолжалась. Вожди Вандеи погибали в боях, их вешали, топили, калечили; Жорж Кад-

удаль, организатор восстаний, тоже свирепствовал... Мирно и безмятежно ворковали над Францией голуби со своими голубками!

Трудолюбивый и жизнерадостный народ, разбросавший камни Бастилии, теперь существовал впроголодь. Париж с ночи выстраивал очереди возле лавок, чтобы утром получить кусок хлеба. Зато неслыханно раздобрела буржуазия, имевшая от революции столько благ, сколько не могла бы иметь раньше. Они, эти буржуа, голосовали за казнь короля, они казнили аристократов, но потом сами становились хозяевами королевских угодий, делили меж собой дворянские замки и поместья. Теперь нувориши измывались над трагической нищетой рабочих предместий, а голодным женщинам кричали:

– Эй, вдова Робеспьера! Спляши карманьолу...

Куда же делись пламенные героини революции, зовущие мужей на подвиг? Неужели, высеченные в подворотнях, поникшие от стыда, они дежурят в очереди за хлебом? Теперь на смену им явилась новая героиня – бесстыжая Тереза Тальен в прозрачном хитоне, чтобы все видели ее сытое похотливое тело, и она цинично говорила владыкам Франции:

– Ах бедняжки! У вас была революция, был Робеспьер и террор, были славные победы, а теперь буду у вас... я!

Террор (сначала необходимый, затем бессмысленный) лишил Францию лучших, выдающихся людей. Уцелели изворотливые хамелеоны, менявшие убеждения ради собствен-

ной шкуры. Они-то и оказались теперь на Олимпе власти.

Но уже никакие ухищрения Директории не могли спасти Францию, да она и не собиралась ее спасать. Облаченные в малиновые тоги римлян, директора, эти пышные патриции Реакции, думали только о себе, о сворах гончих собак, о конюшнях породистых лошадей, о своих любовницах, которыми они дружески обменивались, словно интересными книгами.

Поль Баррас открыто хвастал, что свои покои в Люксембургском дворце покрыл золочеными обоями:

– Заходите ко мне – вы сразу ослепнете!..

Полотна Рубенса из дворца давно похищены, статуи в Люксембургском парке испохаблены, а роскошные покои отданы танцорам, делающим позы перед расколотым зеркалом, в которое когда-то смотрелась Мария Медичи... Здесь, в этом дворце, и воцарился Баррас – беспринципный хищник и циник, каких не знала мировая история. Что ему древность мира и эта пошлая дура Мария Медичи?

– Я вам уже рассказывал про свои обои? Короли не имели даже таких гобеленов, какие я имею обои. Мы победили, чтобы отнятое у врагов народа досталось друзьям народа...

.....

Офицер Национальной гвардии, всю ночь дежуривший у заставы Пасси, с трудом отыскал в тупике улочки Раве старый дом со скрипучей лестницей.

– Мадам Блондель? С вас луидор. Моро – в Париже!

– Он один? – спросила женщина.

– С ним Лагори и Рапатель, но Лагори с гитарой пересел в наемный экипаж, а Рапатель остался с генералом. Кажется, они поехали в отель Шайо близ Елисейских полей...

Покинув свое убежище, мадам Блондель обратно уже не вернулась. Так она поступала всегда, идя на смертельный риск, и потому десять лет оставалась неуловима. На этот раз она не заметила, что маляр, работавший на лесах соседнего дома, энергично постучал кистью по ведерку, после чего цветочница на углу Раве стала нюхать свои фиалки. Из соседнего переулка выехал старенький кабриолет, и вскоре на набережной Вольтера министр полиции Фуше уже знал, куда направилась мадам Блондель.

– Я это предвидел, – пробормотал Фуше...

3. Пхе, пхе, пхе...

Доминик Рапатель, по чину адъютанта командующего армией, носил на левой стороне груди бело-красную ленту. Моро был в сером сюртуке с медными пуговицами, на ногах – короткие кавалерийские сапожки с желтыми отворотами. Генерал и его адъютант заняли скромные комнаты в отеле Шайо. Наконец-то можно задвинуть в угол гремящие сабли, захлопнуть футляры с пистолетами. Рапатель от самой Са-войи не смыкал глаз.

– Пожалуй, мне надо выспаться, – сказал он. – Я вам не нужен? Наверное, вы навестите улицу Единства?

На этой улице размещался девичий пансион Кампан.

– Вряд ли, – отвечал Моро. – Меня пугает даже мысль об Александрине Гюлло, столь изящной и юной. Я никогда, Рапатель, не трогаю за столом воздушное безе, боясь раскрошить его в огрубевших пальцах солдата... Иди спать, Рапатель.

Служанка принесла воду, свечи и белье.

– Что нового в Париже? – спросил ее Моро.

– Все старое. Ломбарды трещат от всякого хлама. Иные бедняки закладывают даже башмаки с ног, чтобы иметь су на хлеб. К мясу теперь и не подступиться – на кусок говядины люди глядят, как на знатную принцессу! А в подворотнях по утрам полно всяких подкидышей, в полиции им дают имена:

мальчикам – Эгалите и Либерте, все девочки – Гуманы.

Моро остался один, размышляя: что-то с ним будет? Невольно припомнились те, кто головами расплатились за поражения: Кюстин, Гушар, Богарне... многие! Их отослали на гильотину, как отсылают загнанных лошадей на живодерню. Правда, Директория убрала гильотину с площади Революции, ее отвезли в сарай под замок, как отвозят на зиму косилку, ненужную до следующего урожая... Моро даже не заметил, как на пороге появилась незнакомая, нарядная женщина.

– Я устал, – произнес Моро. – Оставьте меня.

– Вы напрасно решили, что я искательница интимных приключений. И не старайтесь угадать, кто я такая. Вам будет достаточно, если я назовусь – мадам Блондель.

Дама уселась поудобнее, всем видом показывая, что от нее не так-то легко будет избавиться.

– Все, что Наполеон Бонапарт три года назад завоевал в Италии, все разрушено дыханием северных вандалов.

Моро показалось, что она ему сочувствует.

– Да. Я разбит Суворовым в тех же краях, где в глубокой древности Ганнибал растоптал слонами легионы римлян...

– Исторические аналогии – утешение скверное. В несчастьях вашей кампании одни видят гениальность Суворова, другие вашу уступчивость... подозрительную! Граф Прованский из далекой Митавы следил за вашей титанической борьбой с русскими. Если мнение короля что-то еще значит

для вас, то он, скажу, выражал свое восхищение вашим талантом. Но теперь все кончено. Ваша карьера остановилась, как изношенные часы. Но иногда, – сказала женщина со значением, – часы, стоит лишь встряхнуть посильнее, и они застучат дальше.

– С чем же вы, мадам, пришли ко мне?

– С этим я и пришла – встряхнуть вас...

После словесных экзерциций мадам Блондель вручила ему письмо, в котором Людовик XVIII признавал громадные заслуги Моро перед Францией (пусть даже республиканской!); он писал, что эти заслуги плохо оценены Конвентом и Директорией; когда он, граф Прованский, вернется на престол, Моро сразу будет сделан и маршалом, и графом, и пэром королевства.

Генералу вдруг стало невыносимо скучно.

– Я ведь не просто генерал Моро – я еще и гражданин Моро! В вашем змеином клубке, очевидно, стало не хватать лишней извивающейся гадины, и в Митаве решили, что этой гадиной могу стать я! Вы не боитесь, – спросил он, – что я сейчас позову адъютанта, дабы он арестовал вас?

Блондель проявила стойкое мужество.

– Пхе! – фыркнула она с презрением. – Жан Виктор Моро известен Франции за благородного человека, и он не станет обижать женщину, как не станет и огорчать своего короля отказом от его предложений... На худой конец, мне легко доказать полиции, что вы заманили меня к себе, пытаюсь

меня изнасиловать. Смотрите, как просто это делается...

Юбки полетели с нее, в глаза ударило ослепительной близкой женского тела. Моро, присев к столу, разложил бумагу.

– Оденьтесь, мадам... Если вам известна дорога от Митавы до Парижа, вы не заблудитесь и по дороге от Парижа до Митавы. Я буду просить короля не тревожить меня далее, ибо всегда останусь верен заветам нашей революции¹.

Он слышал за своей спиной, как женщина перед трюмо застегивала крючки корсажа. Пауза была нарушена ее словами:

– Вашей дерзостью король, пожалуй, и не будет слишком удивлен. Но зато вы очень удивите... Пишегрю!

Это был выстрел в упор. Шарль Пишегрю, талантливейший полководец-республиканец, давний приятель Моро, был разоблачен в связях с роялистами-эмигрантами. Моро сказал, что на каторге Гвианы удивлениям Пишегрю пришел конец:

– А из Кайенны еще никто не бегал. Никто...

Тогда последовал второй выстрел, тоже в упор:

– Пишегрю бежал! Он сейчас в Лондоне. А кто предал его? Его предал генерал Моро, и Пишегрю знает об этом.

– Только теперь, мадам Блондель, наша беседа становится

---

¹ Ответ Ж.-В. Моро не сохранился, зато известна реакция Людовика XVIII на его отказ содействовать реставрации. 18 сентября 1799 г. он писал по этому поводу принцу Конде: «Дело было в очень хороших руках, но, судя по ответу генерала, я не имею более надежды на успех...»

забавной. Но я не стану тревожить сон усталого адъютанта. Я не предавал Пишегрю! Документы, обличающие его связи с принцем Конде, я огласил лишь тогда, когда об измене Пишегрю генерал Бонапарт оповестил Директорию. Следовательно, я подтвердил лишь то, что стало известно от Бонапарта.

– Отчего такая снисходительность?

– Я не верил в измену Пишегрю, считая все клеветой завистников, желавших видеть талантливого человека без головы. Но Бонапарт не имел подобных сомнений. В армии тогда говорили, что он даже был рад избавиться от соперника.

– Значит, – с усмешкою произнесла женщина, – Бонапарт оказался более предан революции, нежели вы. Вас не страшит его прозорливая бдительность? Этот корсиканец и в случае с Пишегрю опередил вас... Не так ли, Моро?

– *Suum cuique*, – отвечал Моро.

Юрист, он знал римское право: КАЖДОМУ СВОЕ.

Только теперь роялистка собралась уходить.

– Вы еще о многом пожалеете, генерал Моро.

– Но всегда останусь гражданином Франции.

– Пхе, пхе, пхе...

.....

Он хотел разобраться с гравюрными увражами, вывезенными из Италии, но внизу вдруг возникла перебранка, и Моро вышел на лестницу. Швейцар гнал от дверей человека, явно желавшего проникнуть на кухню.

– У нас нет объедков! – визгливо кричал старик. – Все объедки с кухни мы доедаем сами.

– Погодите, – сказал Моро, спускаясь вниз...

Он увидел человека своих лет в ошметках мундира, рука его была обмотана тряпкой, лоб пересекал рубец от сабли, под кожей, едва затянувшей рану, пульсировал мозг.

– Судя по остаткам мундира, вы... русский?

– Честь имею – колонель Серж Толбухин.

– Где вас пленили, при Треббии или на Рейне?

– Под Цюрихом! Я из корпуса Римского-Корсакова.

– Вы, колонель, помрете, – сказал Моро. – Я опытный солдат и знаю: с такими ранами в голову не выжить.

– Но я уже смирился с этой дурной мыслью.

– В наше время дурные мысли недорого и стоят...

Моро предложил подняться к себе. Из походного кофра достал свежую рубашку. Несмотря на ужасные ранения, Толбухин ел и выпивал охотно. Охотно и рассказывал:

– Проклятые цесарцы! Они бросили наш корпус и удрали, тогда-то Массена и навалился на нас, словно дикий кабан на пойнтера. Теперь Суворов оставил Италию, и не знаю, как он перетащит артиллерию через Швейцарские Альпы?

– В горной войне пушки погребаются в могилах ущелий. По себе это знаю. А много ли вас, русских, во Франции?

– Тысяч пять-шесть... Пленные англичане и австрийцы имеют в Париже своих комиссаров, озабоченных их нуждами, их лечением. А мы разбрелись кто куда. Я бежал из Нан-

си... пешком, пешком, как дергач! Император Павел объявил всех пленных изменниками. Возвращаться в Россию права не имеем. А потому, сударь, я мало озабочен дыркой в голове...

Все-таки пришлось потревожить Рапателя:

– Доминик, сейчас ты отвезешь русского полковника в военный госпиталь. Если там осмелятся не принять его, ты скажи – приказ дивизионного генерала Моро...

Сейчас он никого не хотел видеть. Однако пронырливый Сийес обнаружил его пребывание в отеле Шайо, встреча с директором состоялась. Высокомерный интриган, Сийес тайне жаждал личной власти над Францией и уже брал уроки верховой езды, дабы Париж видел его галопирующим перед войсками... Подбородок Сийеса утопал в кружевах пышного жабо.

– Я молчу о кампании, вами проигранной, но... Где же деньги? Неужели не смогли выжать из итальянцев больше одного миллиона? Что это за война, если она не приносит доходов? Бонапарт на вашем месте засыпал бы Директорию золотом. Ладно, прощаем... Отчего вы сами не явились ко мне?

Рушились режимы, искажались программы клубов, гильотины стучали, как станки на фабриках, поставляя продукцию для кладбищ, а Сийес снова и снова оказывался на верху власти, живой и невредимый, богатеющий дальше. Для Моро это оставалось загадкой... Он думал: «Что отвечать

этому аббату?»

– Но я же не явился и к Баррасу, – сказал он.

– Баррасу плевать на вас и на ваши дела, – грубо ответил Сийес. – Этот плут помышляет только о том, как бы развязаться с одной шлюхой, чтобы срочно завести другую... Директория, Моро, потеряла в народе последние остатки доверия.

– Так кому же теперь я нужен? Одному вам?

– И... Франции! – ловко подметил Сийес. Вдруг он начал жалеть Жубера: – Такой молодой, красивый, талантливый... и пуля в сердце! Скажите, Моро: успел ли Жубер перед гибелью одарить вас дружеской искренностью?

Моро отлично распознал подоплеку ухищрений Сийеса, искавшего замену убитому Жуберу, и решил про себя, что Сийес вряд ли заслуживает точной исторической правды.

– В канун роковой битвы при Нови, – сказал он, – мы с Жубером так запьянствовали, что я ничего не помню.

Кажется, и такой ответ устраивал Сийеса.

– Значит, вы не слышали от Жубера, что Франция нуждается в человеке со шпагой, смелом и популярном? Сейчас вполне возможен крутой поворот в любую сторону – хоть в угол, хоть за угол... Но прежде всего нужна ваша шпага!

– Не слишком ли она коротка для ваших целей?

– Если коротка, сделайте фехтовальный выпад вперед, и тогда острое вашего оружия поразит любого...

Беседу прервало появление секретаря. Сийес предложил

продолжить разговор вечером в Люксембургском саду.

– Вы там встретите немало общих знакомых, но... мадам Рекамье, должен вас огорчить, там не бывает.

Из шиньона аббата выпала гребенка с жемчужиной, и Моро не поленился поднять ее. Он знал, что его Жюльетта не унизит себя общением с распутной Директорией. Она лишь катается в открытой коляске в Лонгшоне, вызывая в публике восхищение. «Это мое царство! – говорила она как-то Моро. – И оно сразу закончится, когда я замечу, что даже грязные трубочисты не оборачиваются вослед мне...»

.....

В саду звучала музыка Чимарозы, между деревьев феерично вспыхнули люстры, осветив потемки аллея. Моро казалось, что он попал на вернисаж, где элита Директории – буржуазия! – выставила напоказ свое богатство, свою пустоту, свои туалеты, свое невежество, свое бесстыдство. Лакеи королей в Версале, конечно, были одеты намного скромнее, нежели лакеи Директории, сновавшие среди публики в красных фраках с голубыми кушаками, а шляпы их украшали султаны – трех расцветок революционного флага... Скинув на руки одного из них плащ и треуголку, Моро сказал:

– Когда я уезжал в Италию, дамы в газовых платьях еще не забывали носить трико и закрывать грудь... Неужели не вернутся блаженные времена декольте, скромно укрытого веером?

Подле приятеля Бернадота сидела одноглазая Элиза Фор-

стер, маскировавшая свое уродство пушистым локоном. Бывшая герцогиня Девонширская, она пила ликер из чёрной смородины, а генерал Бернадот мрачно насыщал себя гоголем-моголем.

– О! – воскликнула кривая красавица, завидев Моро. – Ты слышал новость? Твой друг вытащил из марсельского трактира какую-то девку, которая была невестою Бонапарта... ну, этого, что пропал в Египте! Бернадот, расскажи нам о ней.

С трудом друзья-генералы отвязались от пьяной женщины, у которой на большом пальце ноги красовался перстень с громадным бриллиантом. По этому поводу Бернадот сказал:

– Когда дура не знает, куда деть красивое перышко, она втыкает его себе в зад... Садись, Моро. Вчера в Манеже собирались старые бунтари, и Журдан говорил о твоей героической Итальянской армии... Как она сейчас?

– Я вывел ее во Францию босиком, без артиллерии, без обозов. Из всей амуниции остались одни лишь ранцы.

– Верю. Очевидно, тебе досталось?

– Да. Только при Нови подо мною рухнули три лошади, у четырех сабель вышибло клинки из эфесов.

– Представляю, какая была там свалка...

Жан Бернадот был давним другом Моро, их роднило прошлое революции. Моро спросил о трактирщице из Марсея – правда ли, что болтала о ней эта одноглазая шлюха Форстер?

– Дезире Клари была невестою Бонапарта, и он надавал ей столько клятв, что теперь она не верит моим словам. Оставим это, – попросил Бернадот. – Лучше скажи о Суворове...

Моро так часто спрашивали о Суворове, что его мнение, облеченное почти в формулу, сохранилось: «Что сказать о человеке, способном довести напряжение боя выше человеческих возможностей? Суворов скорее положит костями всю армию и сам ляжет с нею, чем отступит хотя бы на шаг. Его марш-марши – великолепны, они мне кажутся шедеврами воинского искусства...»

Бернадот спросил:

– Ты уже получил новое назначение?

– На плаху истории... за Италию!

Бернадот утешил: неудачи в Италии уравнились успехами Массена в Швейцарии, и этот успех представляется столь значительным, что Директория решила закрыть глаза на все погромы и грабежи, которые Массена обрушил на мирное население. Однако, продолжил Бернадот, после отхода армии Суворова в Италию, словно воды вселенского потопа, хлынули венские войска, уничтожающие следы республиканства:

– По слухам, знаменитый Доменико Чимароза уже сошел с ума от пытки на огне... Скажи, ты любишь его мелодии?

В тени кустов Моро разглядел Жозефа Фуше, который издали ему кивнул (как якобинец якобинцу), а Бернадот указал на Жозефину Бонапарт: «мадонна Победы», как прозвали ее

журналисты, с унижительным подобострастием раскланивалась перед Терезой Тальен, названной «богородица Термидора».

– Жозефина выглядит великолепно, – сказал Моро.

– Никто не спорит, – согласился Бернадот.

– А кто вон там крутится с костылем?

– Ты не узнал Талейрана? Мадам де Сталь слезно выпросила для него у Барраса портфель с иностранными делами. Впрочем, Талейран уже оставил этот портфель на столе в кабинете, и это верный признак того, что Директория издыхает.

– Послушай, дружище, – сказал Моро. – Париж это или не Париж? Куда делась суровая простота прежних нравов? Если революция уже «чихнула в мешок», так ради чего же мы, ее наследники, продолжаем посылать людей на явную смерть в атаках? Неужели ради вот этой гнусной толпы обезьян, которая отчаянно лорнирует, чтобы рассмотреть оттопыренные сосцы великолепной Терезы Тальен?..

Лакей вручил записку от Сийеса – тот ждал. В большой чаше искрилось мороженое. Моро, подогретый ликерами и зрелищем нравов Директории, от порога заявил директору:

– Кажется, вы пожелали, чтобы я свою честь и славу принес в жертву вашей политической феруле? Но я против разнузданной Директории, против и любой диктатуры, в какие бы приятные формы она ни облекалась.

– Нет лучше формы, чем форма республиканского гене-

рала, – отвечал Сийес. – Франция знает вас, Франция уважает вас, Франция пойдет за вами...

Сийес убеждал его долго, но Моро чувствовал, что где-то очень далеко (пусть даже в бесконечном пространстве будущего!) речь Сийеса обязательно должна сомкнуться с теми словами, которые он слышал от роялистки мадам Блондель.

– Если Франция, как вы утверждаете, пойдет за мною, то, скажите, за кем собираетесь идти вы? Или следом за Францией, идущей за мной, или... впереди меня? Хорошо, – сказал Моро, выхватывая шпагу, – я согласен уничтожить всю грязь, что налипла на колеса республики. Но при этом сразу договоримся: ни я, ни вы не будем хвататься за власть!

Это никак не входило в планы Сийеса:

– Если не нам, так кому же она достанется?

– Мы вернем ее... *народу!* – отвечал Моро.

– Вы были на улице Единства? – спросил Рапатель.

.....

– Нет, – мрачно ответил Моро, – я не был на даче Клиши у мадам Рекамье, не был у бедной Розали Дюгазон, боюсь и притронуться к нежному безе в пансионе мадам Кампан... Ах, Рапатель, Рапатель! Ты думаешь, мне так легко забыть Жубера, его слишком коротенькое счастье?

Утром Рапатель разбудил своего генерала:

– Только что «зеркальный» телеграф принял известие с юга: Париж ликует – Бонапарт высадился во Фрежюсе и летит прямо сюда на крыльях новой славы... Снова триумф!

Моро, как в бою, просил набить табаком трубку.

– Какой триумф? О чем ты говоришь? Если Бонапарт во Франции, то где же его армия? Вся армия? И если он оставил ее в Египте, какие же лавры могут осенять чело дезертира?..

4. Пожалеем собачку

Уильям Питт-младший, глава сент-джемского кабинета, полагал, что возвращение Бонапарта во Францию чревато для Англии худшими опасениями, нежели бы из Египта вернулась вся его армия. Адмирал Нельсон осаждал Мальту, крейсируя у берегов Франции, но блокада была прорвана: «Я спасен, и Франция спасена тоже...» – с этими словами Бонапарт ступил на берег. Никто у него не спрашивал, почему оставлена в Египте армия. Народные толпы выходили на дорогу, приветствуя его, французы уже привыкли к мысли, что Бонапарт является в самые кризисные моменты. Его героизм оведала фантастика Востока, всегда возбуждающего воображение европейцев, и маленький генерал, опаленный солнцем пустынь, казался пришельцем из иного, волшебного мира...

Лошади остановили свой бег в Париже возле особняка на улице Шантрэн, Бонапарт отстранил от себя Жозефину:

– Я все знаю.

Он в щепки разнес обстановку комнат, двери кабинета хлопнулись за ним. Жозефина, рыдающая, билась о них головой, взывая к милосердию. Бонапарт молчал. Наконец, к дверям Жозефина поставила на колени своих детей, Евгения и Гортензию Богарне, теперь и они, плачущие, умоляли отчима простить их беспутную мать... (Много позже, уже в

Лонгвуде, император говорил о Жозефине: «Это была лучшая из женщин, каких я встречал. Она была лжива насквозь, от нее нельзя было услышать и слова правды. Но, исполненная самого тонкого очарования, она внушала мне сильную страсть. Жозефина никогда не просила денег, но я постоянно оплачивал миллионы ее долгов. Она покупала все, что видела. Правда, у нее были дурные зубы, но она умела скрывать этот недостаток, как и многие другие. Даже теперь я продолжаю любить ее».)

Двери открылись: все продумав, он... *простил!*

В самом деле, не смешно ли уподобляться жалкому рогоносцу, когда на него взирает сейчас вся Франция? Бонапарт держал себя скромно, со всеми любезный; его видели в саду, он гулял по улице с пасынком и падчерицей. Ни бушующий Мирабо, ни даже неистовый Робеспьер не удостоились при жизни, чтобы о них писали в газетах, а теперь любой француз в Гавре или Марселе читал о приятном загаре на лице Бонапарта, о короткой стрижке его волос, о том, что он сказал Сийесу и какой завтрак устроил ему Баррас... В черед празднеств и банкетов Жозефина во всем блеске зрелой женственности, очаровывая, тонко интригуя, появлялась с мужем, умело скрашивая его угрюмость, и Бернадот однажды сказал Моро:

– Не пора ли нам арестовать Бонапарта?

– В чем ты его подозреваешь?

– В стремлении быть выше нас. Но разве я поступлюсь

принципами равенства? – Бернадот обнажил грудь, на которой красовалась зловещая татуировка: голова Людовика XVI, прижатая ножом к доске гильотины, а внизу было начертано: «СМЕРТЬ КОРОЛЯМ».

– Да, – сказал Моро, – с такой вывеской на фасаде здания тебе осталось одно: жить и умереть республиканцем!

...Моро, сын адвоката, жил и умер республиканцем, а якобинец Бернадот, сын трактирщика, умер королем. Не всегда можно верить наружным вывескам.

.....

А флегма – тоже добродетель. Моро хладнокровно рассудил, что именно корсиканец способен вывести республику из тупика Директории. При встрече с Сийесом он сказал:

– Явился человек, которого вы искали.

– Боюсь, его шпага длиннее, чем требуется...

Потерпев крах с Жубером и Моро, директор даже не заметил, как и когда Бонапарт вовлек его в свои планы, а все выдумки Сийеса о создании новой конституции он отверг: «Я нуждаюсь не в словах, а в действиях...» Люсьен Бонапарт, брат героя, уже пролез в президенты Совета Пятисот, и этим Наполеон Бонапарт прикрыл оголенный фланг от нападения «избранников народа»... Он всюду утверждал, что отечество в опасности, а он прибыл из Египта – спасти его! В этом случае сами по себе отпадали обвинения в дезертирстве. Но Франции ничто не угрожало, спасти было нечего. Угроза отпала – значит, угрозу надо выдумать. Исполдволь

Бонапарт и его сторонники сеяли всюду коварные слухи о заговоре против республики.

– Ни красных колпаков якобинцев, ни красных каблучков аристократии не потерплю! – утверждал Бонапарт...

Его тайные поиски не укрылись от бдительного Манежа, где еще уцелели крепкие головы, и генерал Журдан, ощутив тревогу, призывал Париж к оружию санкюлотов – к пикам:

– Смерть тиранам! Все на защиту республики... Франция не нуждается ни в Цезарях, ни в Кромвелях!

Журдана поддерживал генерал Пьер Ожеро – безграмотный храбрец, сын лакея, дезертир из трех армий (в том числе и русской); заносчивый фанфарон, всегда полупьяный, он осыпал Бонапарта и его «когорту» самой отъявленной бранью:

– Корсиканца – на Корсику! Конечно, Бонапарт не лишен способностей, но где ему угнаться за мною?

Это вывело из себя генерала Массена; невежественный и грубый, он часто моргал крохотными глазками:

– Что вы слушаете этого громилу? Разве Бонапарт или Ожеро могут сравниться со мною?.. А ты, Журдан, вообще иди к чертям: твоя слава – слава битого генерала!

В церкви святого Сюльпиция парижане устроили пир в честь Бонапарта, но Журдана и Ожеро там не было. Однако Бонапарт в эти дни нарочно повидался с Журданом.

– Ты, – заявил ему Журдан, – никогда не посмеешь тронуть священные принципы свободы, равенства и братства.

Обращение на «вы» презиралось, как отрывка аристократизма, в те времена даже солдаты говорили своим генералам ты! Бонапарт, обнимая Журдана, успокоил его:

– Я рад, что в тебе не угас дух прежней свободной Франции, и ты, Журдан, будь уверен во мне. Я не пойду за вами, за идеями Манежа, но все исполню в интересах народа...

Баррас считал себя хитрейшим человеком Франции, которого никому не обмануть, не провести. Нет, он своего не отдаст! После беседы с Талейраном Баррас сразу обрел спокойствие, уверенный, что ради его же будущих благ хлопочут с утра до ночи все эти убогие людишки – вроде Сийеса, Бонапарта и Талейрана... Между прочим, именно Сийес уже высказывал сожаление, что не удался сговор с Моро:

– Плод давно созрел. Я вам предлагал сорвать его с ветки, но вы не пожелали. Теперь плод достанется другим.

– О чем сожалеть? – смеялся Моро. – В наше время политика осуждена плестись за фургонами грандиозных армий. Стоя под знаменами Франции, я не думаю об авторах декретов...

Боевые дороги Моро и Бонапарта еще не пересекались. Моро никогда не заграждал Бонапарту его путей к славе, Бонапарт еще не видел в Моро соперника, – их слава клокотала в одном кипящем котле, и потому первая встреча двух полководцев была самой сердечной... Моро, приветливый, сказал:

– Здравствуй, коллега Бонапарт! Я завидую твоей бодро-

сти, я радуюсь твоим успехам...

Они пожали руки. За их спинами выросло «красное привидение» – недавние грозы над Францией, закаты кровавых штурмов, чудовищные поля битв. Гильотина убрала с пути самых талантливых полководцев, другие сами отошли в иной мир.

Бонапарт сразу отстегнул от пояса кривую саблю:

– С нею я прошел от пирамид фараонов до Палестины, и она ни разу не подвела меня. Моро, прими эту саблю мамелюкского бея, и пусть она станет залогом нашей приязни...

Для Моро не оставалось сомнений, терзавших Журдана, не было и тени зависти, мучившей Ожеро, – для него Бонапарт оставался единоутробным братом, рожденным из того же лона Революции, которое однажды породило и его, Моро! Но Бернадот, увидев дареную саблю, обвинил друга в предательстве:

– И ты предал Манеж за железную дешевку?

– Это дамасская сталь! Бонапарт же способен исполнить все то, чего не способен сделать я, не способен и ты...

Бернадотом вскоре занялся сам Фуше.

– Слушай, приятель, я ведь тоже из якобинцев. Глупый человек, куда ты лезешь? Сейчас все наше, пойми. А будет у нас еще больше. Или ты решил быть умнее других? Не лучше ли остаться живым и богатым аристократом, нежели больным и нищим якобинцем?.. Я никого не пугаю. Но двери вашего Манежа заколочу гвоздями. А твоя шея не крепче дру-

гих...

Бернадот был парализован – угрозами и, наверное, страхом. Зато идеальным казалось состояние генерала Моро, безоговорочно примкнувшего к лагерю бонапартистов. А солдаты? Они-то уж точно радовались:

– За Бонапартом – спасти республику от тиранов!

И буйствовала и гремела огненная «Марсельеза».

.....

Париж не был еще прекрасен. Елисейские поля уже существовали, но это был запущенный пустырь, кое-где заросший группами деревьев. Там, где позже воцарилась артистическая богема Монмартра, в ту пору была бедная деревня, жители которой трудились в каменоломнях. Отвратительная грязь покрывала закоулки древних улиц. Миллионы крыс населяли подвалы складов и подземелья кладбищ; иногда к водопою двигалась шуршащая и повизгивающая в тесноте фаланга; неистребимая, она злобно посверкивала красными воспаленными глазками. На центральных улицах Парижа колеса экипажей ломались среди ухабов. Богатых женщин переносили в портшезах (так было удобнее). Редкие фонари, висящие на веревках, едва рассеивали мрак переулков. Старинные здания, уцелевшие со времен Генриха IV, были очень красивы, но кучи мусора у подъездов и дурные лестницы могли испортить любое впечатление... Примерно таким был старый Париж, вступающий в день 18 брюмера, что означало 9 ноября.

Бонапарт, если в этот день у него и были колебания, упрягал их в глубине непроницаемой корсиканской души, наполненной честолюбием, презрением к людям и суевериями. Артиллерия еще с ночи была расставлена в дворцовых садах, заставы перекрыты, а курьерская почта задержана. Рано утром улицу Шантрэн заполнила толпа генералов. Бонапарт вышел к ним в статском платье (но при сабле):

– Какой я оставил Францию и какой я ее застал? Своими победами в Италии я добыл миллионы, а что увидел, вернувшись? Только нищету... Этот порядок не может продолжаться. Пора избавить нацию от болтунов адвокатов! – Бонапарт обратился лично к Моро: – Я буду в Тюильри, ты замкнешь Люксембургский дворец в осаде со всей его нечистью, и пусть в него входят, но никто уже из него не выйдет...

Кавалькада всадников в красочных мундирах промчалась в сторону Тюильри, а Моро явился в Люксембургский дворец.

– Закрывать все выходы, – велел гренадерам.

Баррас не сразу выразил свое недоумение:

– Почему никто не едет ко мне? Я не вижу депутаций народа. Меня никто в этот великий день не приветствует.

– А почему он великий, Баррас?

– Сегодня я стану *президентом* Франции.

– Это вспышка фантазии Талейрана?

– Но и сам Бонапарт меня в этом лично заверил...

Наконец до Барраса дошло, что Талейран, повивальная

бабка 18 брюмера, ласково завернул его, Барраса, не в пленки будущей славы, а закутал сразу в покойницкий саван.

– Если так, – решил Баррас, – я... приму ванну!

Во дворец пробилась через охрану Тереза Тальен.

– Я должна видеть негодяя... Моро, где он?

– Отмывает с себя кровь своих жертв...

Он сопровождал «богородицу Термидора» до купальни, где Баррас при виде красавицы так сильно всплеснул руками, что окатил ее с головы до ног ароматной водою:

– Полезай ко мне, моя прекрасная наяда!

Тереза Тальен отпустила ему хорошую оплеуху:

– Подлец! Я думала, ты умираешь героем, а из вонючей воды торчат твои ослиные уши... Где же всемогущий Баррас, еще вчера пировавший, как Лукулл в термах Трапезонда? Твое имя уже оплевано Парижем, генерал Бонапарт в Тюильри вещает всем о твоём убожестве, а ты... ты...

Барраса трудно было вывести из прострации.

– Вечером мы увидимся в Опере, – решил он.

– Вы никогда не увидите, – вмешался Моро.

– Вот и первая новость, дорогая: вечером в Опере нас уже не будет, вечером в Оперу поедут другие...

Моро задержал убегающую Тальен.

– Назад! Приказ – никого не выпускать.

– Надеюсь, меня-то ничьи приказы не касаются...

Но гренадеры Национальной гвардии перегородили двери штыками, и Тальен кинулась в ноги генералу:

– Моро! Отпусти меня... сжался. Хочешь любви моей? Я уже твоя. Назови любой дом в Париже – он уже твой дом... Отпусти! У меня же дети. Наконец, я снова... беременна.

– И снова от Барраса?

– На этот раз от банкира Уврара... Сжался, Моро!

К воротам подкатила карета, запряженная шестеркой белых прекрасных лошадей. Мюрат отворил дверцы, из них выставилась наружу маленькая нога в лайковом сапоге. Это была нога Бонапарта, который легко спрыгнул на землю.

– У меня все отлично. А как твои дела?

– Никто и не пискнул.

– Пищать станут потом. Я никогда не забуду твоей услуги, Моро... благодарю! А где Баррас?

– Чисто вымытый, он покорился судьбе.

– Его бесстыжие глаза больше не увидят ни этого дворца, ни Терезы Тальен, ни Парижа. Он меня всегда считал простачком-провинциалом с Корсики. Но смеется только тот, кто стреляет последним. Пора этот навоз вывозить на свалку...

Баррасу объявили о пожизненной ссылке.

– Жаль! – сказал Баррас, оглядев стены своих интимных покоев. – Ведь я совсем недавно покрыл их такими обоями, каких не было даже у королей... Очень жаль!

Жалоба вписалась в протокол его политического ничтожества. Ни король Людовик XVI, бегущий из Версаля, ни сам Наполеон, которому суждено потерять великую импе-

рию, никто из них не стал бы сожалеть об искусном декоре стен.

Но только теперь Париж стал волноваться.

– А почему вдруг Бонапарт, а не Моро? Слава у них одинакова, но Моро – природный француз из Бретани, а Наполеон Буонапарте – корсиканец, жена у него – креолка с Мартиники. Откуда мы знаем, какие бабочки порхают у них в головах?

Перед воротами Люксембургского дворца, безучастная ко всему на свете, бедная женщина продавала самодельные вафли, возле ее подола зябко дрожала старенькая болонка.

– Я знаю, что меня уже не стоит жалеть. Но хотя бы ради собачки купите мои вафли... пожалейте мою собачку!

5. Скрестим оружие

Об этих днях Моро позже вспоминал: «На меня смотрели с особенным вниманием и доверием... Мне предлагали раньше, и это всем известно, стать во главе движения, чтобы произвести переворот, какой был сделан 18 брюмера... Мое честолюбие, если бы его оказалось достаточно, было бы оправдано общей пользой нации и чувством любви к отечеству... но я – отказал!» Наверное, Моро отказал напрасно, и не в этом ли отказе заключалась очень сложная трагедия его жизни?

.....

О событиях в Сен-Клу он узнал позже, увлеченный делами сердечными. В плеяде славных, вернувшихся с Бонапартом из Египта, был и молодой еще генерал Луи Даву, с которым Моро встретился случайно.

– Слушай, Моро, – сказал Даву, – я не хочу вмешиваться в твои дела, но знай, что по тебе... плачут.

– Плачут? Кто? Где? Когда?

– Девица Гюлло. Вчера в пансионе. Я навещал там свою прелестную Любу Леклерк. Неужели ты снова кипятишь остывший бульон с увядающей актрисой Дюгазон? Не смей нас, Моро... Александрина Гюлло знает, что ты в Париже. Учти, – предупредил Даву, очень сметливый, – у ее матери плантации сахарного тростника на Маскаренских островах,

и я не пойму, что еще тебя, невежу, смущает?

– Чужие глаза. Чужое внимание. Чужие сплетни.

– Не дури, Моро! Сахар приносит большие доходы. Из-за морской блокады англичан цены на сахар подскочат еще выше. Чтобы не было сплетен, я не пользуюсь калиткой. Для чего же для нас, храбрецов, существуют заборы и окна?

Мысль о том, что он поступил несправедливо с наивным существом, влюбленным в него, была для Моро невыносима. Он посоветовался с адъютантом о наряде:

– Рапатель, я должен быть неотразим...

Он и без того умел нравиться. Держался прямо, с большим достоинством. Глаза большие, серые. Красивый изгиб рта. Жесты скупые, но выразительные. Моро натянул тесные замшевые панталоны. Доминик Рапатель собрал волосы в пучок на затылке генерала, перевязал их красивой ленточкой. Мундир украшало золотое шитье, с голенищ свисали длинные, вычурные кисти с бахромою. Генерал сел в карету.

– Квартал Сен-Жермен, – велел кучеру, – улица Единства, закрытый пансион мадам Кампан... прямо к калитке!

Писательница Жанна Кампан (из придворных дам казненной королевы), по сути дела, готовила в своем пансионе жен, давая им уроки кокетства, чтобы вернее пленять мужчин с завидным положением в обществе. Это ей удалось! Ни одна из учениц Кампан не стирала потом бельишко, не моталась по базарам с корзиной, выискивая луковицу подешевле и покрупнее. Весь выводок мадам Кампан впоследствии

дружно расхватили маршалы и придворные Наполеона, делая своих жен герцогинями и маркизами... Кампан одобрила выбор Моро:

– Девушка Гюлло достойна вашего обожания. За благонравие она отмечена бумажною розой для ношения возле сердца. Я разрешаю Александрине выйти в сад для прогулки с вами. Но будьте благоразумны, генерал, с невинностью...

Наконец-то он увидел ее – застенчивую смуглую креолку – и снова поразился, как она молода, как она хороша. От девушки исходил нежный запах пачулей, напоминавший о родине, затерянной в Индийском океане...

– Вы жестокий... – упрекнула она его.

Наивная умиленность юного создания восторгала Моро, и генерал сочувственно ахал, когда Александрина, округлив глаза, сообщала ему:

– Сегодня за обедом мне стало дурно... Вы не поверите, генерал: в моем шпинате сидел паук, сидел и убежал...

За ними, отстав шагов на десять, чинно шествовала гувернантка и, поджав губы, на ходу довязывала длинный чулок. Моро шепнул девушке, что еще не потерял надежд на семейное счастье и одно лишь ее «да» может решить судьбу. Но при этом (осторожный, как все бретонцы) он предупредил, что торопить Александрину тоже не желает:

– В любой первой же атаке я могу оставить голову, а свою жену вдовою. Мысль о том, что вы с моим именем станете устраивать новое счастье, эта мысль невыносима для меня.

Александрина протяжно вздохнула:

– Мадам Кампан учит нас, что в любви самое приятное не любовь, а лишь признание в любви... Правда, генерал?

– Возможно. Но где же ваше «да»?

Положительный ответ прозвучал иносказательно:

– Я родилась на островах, о которых, как о рае земном, писал Бернарден в своих волшебных романах. И мальчика следует назвать Полем, а девочку – Виргинией...

Надзирательница, не сокращая приличной дистанции, проявила беспокойство.

– Мадемуазель Гюлло, не пора ли вам вернуться в свою келью и прочесть молитву? Вечер сегодня холодный.

– Пхе! – фыркнула с досадой девица.

Моро вздрогнул. Это резкое «пхе» сразу напомнило ему недавнюю встречу с роялисткой мадам Блондель...

.....

Сен-Клу – загородная резиденция королей, в верхнем зале Марса собирался Совет Старейшин, в нижнем зале Оранже-рей – Совет Пятисот с президентом Люсьеном Бонапартом. Все два этажа до предела насыщены возмущением: насилие над Директорией угрожало насилием и над депутатами.

– Нас окружают войсками и артиллерией, ссылаясь на заговор, о котором никто и ничего не знает.

– Директоры сами ушли в отставку, – убеждал Люсьен, – а Сийесу ничто не угрожает. Но подлая рука врагов народа уже протянута к горлу Франции, чтобы удушить священные

права свободы... Спокойствие, граждане, спокойствие!

Перед Советом Старейшин с растерянным лицом, похожий на лунатика, предстал Наполеон Бонапарт, и его от самых дверей затолкали, выкрикивая в лицо ему проклятья, – он видел перекошенные от ярости рты депутатов, его рвали сзади за воротник мундира, чьи-то очень сильные пальцы пытались схватить за горло... Всюду слышалось:

– Для чего ты приносил Франции победы? Отвечай! Чтобы затем стать тираном Франции? Отвечай!

Бонапарт стал жалок в своем бормотании:

– Я только солдат. Пришел спасти... нет, я не Цезарь, нет, я не Кромвель... солдат... спасти Францию!

Его крутило в тесноте, в давке.

– Где ты видишь опасность? – спрашивали его.

Бормотания делались бессвязнее и глупее:

– Я рожден под сенью богини счастья... меня вел бог удачи. Я говорю вам о божестве... я вижу свою звезду!

Кто-то (преданный ему) шептал в ухо:

– Сумасшедший! Что ты несешь? Здесь не мамелюки Каира, а представители Франции... опомнись, глупец!

Бонапартисты, увидев, что их кумир заврался и уже не понимает, что мелет, выдернули его из этого зала. А в нижнем этаже Люсьен Бонапарт звонил в колокол, требуя тишины. Журдан надрывался в крике, что не потерпит деспотов:

– Лучше смерть! Бонапарта – вне закона...

Коридоры дворца наполнил грохот барабанов, в зал Сове-

та Пятисот явился Бонапарт, а с ним – четыре гренадера.

– Вот он! Объявить его вне закона...

Шум, неразбериха, гвалт, вопли, звоны колокола. Уже взметнулись кулаки, где-то блеснул кинжал.

– Зарезать тирана! Мы – свободные граждане...

Это был день 19 брюмера. Толпа скандировала:

– Вне за-ко-на... в Кайенну его, в Кай-енну!

На первом этаже было страшнее, чем на втором. Бонапарт вмиг потерял загар, обретенный в Египте, и упал в обморок. Гренадеры вынесли его на руках. Люсьен Бонапарт трясущимися руками слагал с себя инсигнии – знаки президентского достоинства. Рядом с ним бушевал Журдан:

– Нет, не удерешь, скотина! Прежде утвердим декрет о незаконности твоего братца, которого и сошлем завтра в Кайенну – на потеху кобрам, вампирам и мосkitам...

На улице Наполеон Бонапарт упал с лошади (обморок повторился). Люсьен проник в кабинет, где бледный Сийес прощался с жизнью. Сийес и сказал ему:

– Если не очистить зал, мы... мы погибли!

Выбежав на площадь, Люсьен обратился к войскам:

– Во дворце засели убийцы... агенты английской плутократии! Еще мгновение колебаний, и они убьют Бонапарта, моего родного брата и вашего доброго отца!

Войско не колыхнулось, и тогда Люсьен, выхватив кинжал, занес его над своим полуживым от ужаса братом.

– Клянусь! – возгласил он. – Я сам зарезу его, если он

осмелится когда-либо нарушить права граждан!

По рядам солдат пробежал трепет, минута была решающей, и Мюрат понял, что промедление губительно.

– Я всех пошвыряю в окна! – обещал он.

Наполеона еще шатало. Глаза блуждали.

– Да, да, – велел он Мюрату, – не бойся колоть штыками.

Сегодня для Франции я должен стать божеством...

Люсьен спрятал кинжал и – шепотом:

– Дуралей, что ты опять бредишь о божестве?

За плечами Мюрата моталась пятнистая шкура барса.

Двери палаты разлетелись настезь, выбитые ударом ноги:

– Эй вы, дерьмо! Вы... отсюда, пока не поздно!

Виртуозная грубость выражения ошеломила депутатов.

Увидев, как надвигаются ряды штыков, они бросились в окна.

– Помогите им прыгать, – указал Мюрат солдатам. – Хотя и невысоко, но я хочу слышать хруст их костей...

Через минуту зал опустел. Никто не задавал вопроса: «А если бы не хвастун Мюрат? Что было бы?..» Наполеон Бонапарт с трудом, еще бледный, взобрался на статную лошадь:

– Выдайте солдатам деньги и водку...

Он ехал молча. За ним шагали восемь тысяч гренадеров в мохнатых шапках и распевали «Марсельезу».

– Все в порядке! – кричали они прохожим. – Мы спасли своего капрала, а он спасет республику.

Обо всем, что произошло в Сен-Клу, генерал Моро узнал

позже и уже в ином освещении, более героическом. Не довелось Моро присутствовать и при следующей омерзительной сцене, когда пьяный Ожеро явился на улицу Шантрэн, где Бонапарт, уже свежий и бодрый, выдрал его за ухо:

– А, храбрец Ожеро! Теперь ты будешь паинькой, и передай крикуну Журдану, что Бонапарт всех прощает. Пора уже знать в Манеже, что я выше всех партий... Партия, к которой я принадлежу, состоит из одного человека – это я!

Вместо Директории было учреждено Консульство из трех консулов: Дюко, Сийеса и Бонапарта. Если власть завоевана, ее надо делить. Бонапарт сказал Сийесу:

– Я думаю, среди трех консулов кто-то из нас должен быть ПЕРВЫМ, дабы от имени нации воспринять всю полноту власти. Учитывая особые заслуги Сийеса перед революцией, именно ему и доверим назвать имя первого консула...

После такого деликатного предложения Сийес уже не мог показать на себя пальцем, он уступал власть Бонапарту:

– Я предполагал, что ваша шпага длиннее обычной.

– Дело не в шпаге! Тут надобна метла...

Под скромным титулом «первого консула» зарождалась единоличная диктатура будущего императора. Он обещал:

– Мое правление будет правлением ума и молодости. Я ничего не желаю для себя, готовый служить народу...

Французы ждали порядка и – мира, мира, мира!

Настал 1800 год; в самом его начале английский король Георг III отверг мирные предложения Франции. Ответ из

Лондона был грубым, бестактным, чудовищным. Главный смысл его был таков: мир в Европе невозможен, пока на престол Франции не вернутся Бурбоны... Бонапарт созвал генералов.

– Видит Бог, как я хотел мира, но Францию снова принуждают к войне... Готовьтесь снова скрестить оружие!

.....

Закончив одну войну, армия не расходилась по домам, ожидая второй и третьей. Ветераны, давно оторванные от семей и регулярного труда, изучили одно ремесло – воевать, и мир в Европе их уже не устраивал. Так постепенно солдаты буржуазной Франции превращались в профессионалов войны, ничего, кроме войны, не знавших и знать не желающих. В тихом Дижоне, вдали от посторонних глаз, генерал Бертье уже формировал резервную армию, о чем тогда догадывались немногие. Бертье был правой рукой Бонапарта, его мозгом, его канцелярией, даже его «чернильницей». Мундир этого человека оставался незапятнан. Когда Массена обчистил кладовки даже у папы римского, он хотел взвалить вину за грабеж на Бертье, на что Бертье спокойно отвечал: «Пусть он не врет...»

Бонапарт ожидал возвращения из эмиграции Лазара Карно, которого он и встретил щедрыми, великодушными словами:

– Для вас что угодно, когда угодно, сколько угодно...

Лазар Карно, ученый и математик, стал его военным ми-

нистром. Он предупредил Бонапарта: закон воспрещает первому консулу водить армии. На это Бонапарт ответил:

– Я поручаю армию Бертье, а в законе не сказано, что первый консул лишен права находиться при армии...

Карно был автором доктрины революционных войн, именно он научил французов побеждать опытного противника с генералами-дилетантами и солдатами-недоучками. Моро и Карно были проповедниками будущего авиации, но, встретившись, они беседовали совсем о другом.

– Я всегда считал вас умным человеком, – начал Карно, – и мне не понять, отчего вы сгупили 18 брюмера, пропустив Бонапарта впереди себя? Я ведь лучше вас знаю этого человека, в душе которого бушуют вулканы непомерного честолюбия и таятся бездны презрения ко всему человечеству...

Карно сам был членом Директории, знакомым с ее секретами. Он сказал, что Бонапарт, одерживая победы, слал в Париж кучи награбленного добра, не требуя отчета у Барраса, почему и Баррас не требовал отчета у Бонапарта.

– Это был, если хотите, негласный альянс двух матерых разбойников, и Директория, обставляя свои комнаты антикварными ценностями, расплачивалась с поставщиком ценностей нещадным воскурением ему фимиама... К чему мы пришли? – рассуждал Карно. – Теперь вместо прежнего братства с народами Европы явилось чувство превосходства над другими народами. Это упоение опасно для самих же французов! А тяга к военной добыче стала для генералов

естественна – как желание есть, пить и спать. Я иногда с ужасом спрашиваю себя: чем это кончится? Завоевательная политика Франции сначала приведет к диктатуре армии над народом...

– Кажется, уже привела, – заметил Моро.

– А затем армия породит и диктатора – и над собою, и над народом... Не думаю, чтобы Бонапарт мог быть человеком вроде Вашингтона, который, свершив необходимое для страны, отступил в тень инжирного дерева, наслаждаясь прохладой... Кстати, Моро! А какие у вас отношения с Бонапартом?

– Ни одного упрека за поражения в Италии от него я не слышал. Я принят в Мальмезоне, Бонапарт прост и любезен, а Жозефина крайне мила... Он покоряет, она обвораживает!

О войне старались тогда не думать, хотя Бонапарт все чаще уединялся с Бертье, раскладывая карты Италии:

– Придется снова отбирать у австрийцев все то, что Моро сдал русским, а русскими победами воспользовались в Вене. Бертье, где это дурацкое место, возле которого даже не Суворов, а князь Багратион всыпал Моро как следует?

– Это случилось у деревни Маренго, вот здесь.

– Именно здесь я разрушу австрийское могущество в Италии, Маренго войдет в МОЮ историю, а имя генерала Моро сохранится лишь в комментариях к этой битве...

При свидании с Карно первый консул велел:

– Распорядитесь, чтобы всех русских, плененных в Гол-

ландии и при Цюрихе, собрали в лагерях Милле и Камбре. Я не желаю ссориться с Петербургом, а война с Россией – это бессмыслица! Что она даст Франции, если нам с русскими нечего делить? Мальту я решил вернуть России, а из пленных составим два русских полка – это, считайте, уже готовый гарнизон для размещения его в фортах Ла-Валлетты...

Париж долго говорил о безумном расточительстве Талейрана, давшего в своем доме праздник в честь семьи Бонапарта. Гости были удивлены, когда хозяин с салфеткою через плечо, подражая лакею, появился с подносом, на котором шипел в бокале прозрачный оршад. Прихрамывая, этот инвалид протащился через зал, и Бонапарт принял от него напиток, а Талейран застыл перед ним в выжидательном поклоне. И тут все поняли, что Бонапарт для Талейрана – это не только первый консул, он для него что-то иное, что-то высшее...

Среди многочисленных гостей была и Жюльетта Рекамье. На ней не было никаких драгоценностей: красоту не украшают – красота сама по себе. Правда, в прическе женщины была скромная ленточка, но ее выдернул из волос Бернадот, сказавший, что это – ценный сувенир для его погибшего сердца:

Подвинувшись ближе к Моро, женщина шепнула ему:

– У Талейрана глаза мошенника, торгующего из-под полы фальшивым жемчугом, а руки красные, как у прачки, которая не успевает перестирать чужое белье.

Моро был человеком наблюдательным:

– На тебя очень пристально глядит Бонапарт.

– Да. Я тоже это заметила...

Рекамье поникла с таким видом, будто хотела у всех мужчин выпросить прощения за свою красоту.

– Слишком любима всеми, – тихо сказал ей Моро, – способна ли ты любить только одного?

Через складки веера он услышал ее шепот:

– Я истосковалась в разлуке с тобою... приезжай. Я как раз обещала гостям показать Авейронского дикаря!

6. Нетерпение

Утром грязный трубочист, спускаясь по веревке с крыши, заглянул в окно спальни Рекамье:

– Ку-ку! Я ведь тоже большой ваш поклонник...

Муж мадам Рекамье был старше ее на тридцать лет, а ранее – любовник ее же матери. Нет, он не женился по страстной любви. Банкиру требовалась отличная реклама для конторы, чтобы клиенты, увидев Жюльетту, стали покладистее в финансовых сделках. Парижане говорили, что муж оставался для нее только отцом, говорили, что у Жюльетты имеется один тайный телесный изъян, мешающий ей наслаждаться любовью. Банкир облицевал комнаты жены громадными зеркалами, чтобы она никогда не забывала о своей красоте:

– Такой товар на тротуарах Парижа не валяется...

Доминик Рапатель пристально наблюдал за рассеянным поведением своего генерала. Осторожно спросил:

– Кажется, пора закладывать карету?

Моро назвал ему адрес – улица Мон-Блан.

– Карету подать к дому банкира Рекамье, где раньше жил банкир Неккер, отец Жермены де Сталь. Кучер знает, где надо остановиться. Запрягай не белых лошадей, а черных.

– Черных лошадей в черную карету?

– Согласен. Но лицо я не стану мазать сажей...

Но прежде он решил сделать то, что подсказывала ему со-

весть, и навестил Розали Дюгазон. Любящая женщина, она прошла по жизни достаточно сложный путь, и нельзя было обижать ее на прощание. Когда-то балерина, затем певица, потерявшая голос, она «скатилась» до жалкой драмы. Усталые глаза актрисы были расширены от множества чашек крепчайшего кофе, и они расширились еще больше, когда на пороге ее жилища появился генерал Моро... С жалобным криком, как подстреленная птица, Розали кинулась к зеркалам, чтобы скорее поправить на голове кружевной «фюшю».

– Так я и знала! Ты не мог не проститься со мною, ты не мог не прийти ко мне... правда?

Моро с нежностью всмотрелся в увядающее лицо.

– Ха! Ты ищешь морщины? Их нету, еще нету...

– Все морщины вот здесь. – Моро провел рукою по своему лбу. – Это после Треббии, это Нови, это ущелья Овадо.

– Но я была там вместе с тобою. – Розали показала ему газеты, в которых писалось о Моро и его армии. – Я собрала все. Даже то, что не следовало читать... в конце!

– В конце, дорогая, пишут только о мелочах.

– Да! Но для женщины мелочи – самое главное...

Моро огляделся. Нет жилищ печальнее на свете, нежели квартиры стареющих актрис. Какой безнадежной грустью веяло от лавров, полученных Дюгазон еще в ранней юности, когда она порхала Сильфидою с крылышками на плечах; тоска исходила от портретов, подписанных: «С любовью» – знатными музыкантами Буальдьё и Гретри... Куда делся ее

волшебный голос?

Увы, он стал почти хриплым, трагическим.

– Все кончено, Моро, и мне давно пора задуматься о прощальном бенефисе. Любящая тебя, что оставлю тебе? Хочешь, изучу роль солдата – командуй мною, генерал Моро!

– Не играй, – сказал Моро.

– Я, кажется, смешна... Подмостки театра, к сожалению, не трибуна. Но как бы хотелось мне, брошенной тобою, объявить Парижу со сцены, что я любила Моро.

– Прошу тебя, Розали...

– Моро любил меня, а я люблю Моро и теперь!

Она была возвышенна, как в классической трагедии.

– О любви шепчут, Розали, – отвечал он.

– Неправда! Иногда надо кричать...

В этот момент (почему?) она показалась ему прекрасна, как никогда, и Моро вдруг вспомнил другую героиню своей безумной юности – легендарную Олимпию де Гуж, когда-то сказавшую: «Если женщина получила право кидаться под нож гильотины, кто откажет ей в праве всходить на трибуну?..»

Моро с любовью расцеловал забытую Розали.

Ее теплое плечо осыпали солнечные веснушки.

Она закрыла ему глаза, как покойнику:

– Ты больше никогда не увидишь меня.

– Так не бывает, Розали.

– Но так будет, Моро... Мир слишком жесток, а ты слиш-

ком добр. Я была только возлюбленной. Но теперь я хотела бы стать твоей матерью, чтобы спасти тебя.

– Надо ли спасать меня? О чем ты говоришь?

– Я внимательно изучила твои победы вначале, но увидела в конце твое поражение... Твою гибель, Моро!

.....

Моро прочел о себе в газете, что он посетил заведение мадам Кампан и имел счастье представиться благовоспитанным кузинам – Гортензии и Эмилии Богарне; по слухам, которым редакция не осмеливается верить, генерал Моро выказал к одной из кузин особое внимание. Подобных сплетен он и боялся! Не об этих ли «мелочах» предупреждала его Дюгазон?

Первый, кого он встретил в салоне мадам Рекамье на улице Мон-Блан, был неустрашимый Даву, продолжавший лезть через заборы к несравненной и обожаемой мадам Леклерк... Газетная утка не произвела на Даву впечатления:

– Ну и что? Все газеты – гнилье, а Жозефина с Бонапартом будут рады иметь такого зятя, как ты... Говорил же я тебе об английской блокаде! Можешь забыть этот сахар... Есть в этом мире кое-что и послаще сахара!

Моро уклонился от Жермены де Сталь, очень любившей поговорить, никого не слушая (в отличие от своей подруги Рекамье, которая больше слушала). Среди гостей был и первый консул, примостившийся на краешке кресла, как бедный родственник на богатых именинах. Темный взор корси-

канца напряженно преследовал хозяйку салона.

Мадам де Сталь, верная нравам былой Директории, откинула шаль, обнажив перед Бонапартом мускулистые плечи.

– Когда я по вечерам разглядываю свое роскошное тело, которое у мужчин вызывает столько тайных вожделений, я всегда с ужасом думаю, что все это – вот это! – она потрясла плечами, как цыганка на морозе, – в будущем непременно станет добычей гадких могильных червей...

Подобное излишние могло бы иметь бешеный успех при Баррасе, но генерал Бонапарт был человеком иного склада, и вожделения к будущей добыче червей он не испытал.

– Если желаете избавиться от глупых мыслей, рожайте детей, толстых и горластых! Но рожайте их только от мужа, ибо незаконные дети отягощают бюджет республики и служат недобрым примером для нравственности...

Моро слышал, как мадам де Сталь обругала консула:

– Авейронский дикарь... пожалуй, еще хуже!

В углу теснились живописцы – Давид и Жерар. Бонапарт с искренним интересом спросил Давида, над чем он работает.

– Над картиной «Переход через Фермопилы», где спартанский царь Леонид был повержен персидскими ордами Ксеркса.

Бонапарт не скрыл своего неудовольствия:

– К чему тратить краски и силы на изображение побежденных? Давид, ваша кисть должна служить победителям...

– Но кто же сегодня равен классическим героям?

– Вы увидите его, Давид, это я вам обещаю...

Заметив Моро, первый консул пожелал с ним уединиться.

– Война неизбежна. И с англичанами и с австрийцами. У меня нет сомнений в том, что ты желал бы отыгаться за Италию.

– За Италию – да, но только не в Италии, – возразил Моро. – Я гораздо лучше знаю области Рейна и Мозеля, в древних лесах Германии мною изучены все тропы и поляны.

– Об этом мы вскоре и поговорим... Генералов во Франции много, но полководцев осталось лишь двое – ты и я! Не нам ли, Моро, и решать судьбы Франции на полях чести?

Мадам Рекамье призывно похлопала в ладоши:

– У меня для всех вас, дорогие друзья, имеется маленький сюрприз – Авейронский дикарь. Он еще ребенком был украден волчицею, которая и вскормила его своим молоком. Его недавно поймали в лесу охотники, он не может освоить нашу речь, зато он прыгает по деревьям, как белка...

Дюжие лакеи втащили в салон здорового парня, на котором штаны держались так же неестественно, как на обезьяне, которую показывают в уличном балагане. Попав в закрытое помещение, Авейронский дикарь испуганно мычал. Посреди зала поставили блюдо с едой, и это существо, опустившись на четвереньки, долго и подозрительно обнюхивало пищу... Бонапарт сказал Моро:

– Не так ли были осторожны с едой и первобытные предки?

Моро испытывал чувство брезгливости.

– По-моему, зрелище отвратительное. Эта скотина в несуразных штанах лишний раз доказывает, что человеку без человеческого общества нечего делать на этом свете...

Улучив момент, Моро шепнул Рекамье:

– Моя карета будет ждать на углу сада.

– Я рада. Но после ужина...

Звали к столу. Первый консул повел себя несколько странно. Возле себя он оставил кресло свободным.

– Это... для мадам Рекамье, – заявил он.

Сестра консула, Элиза Баччиокки, заманила Жюльетту в глубину комнат, объясняя ей все то, что за этим последует. От Моро не укрылось смущение Рекамье, но красавица миновала свободное кресло возле первого консула и с показной решимостью села подле некрасивого Камбасереса.

Бонапарт не был готов к такому поражению:

– Смотрите! Ей понравился этот урод...

Моро незаметно удалился. На темной улице Мон-Блан его ожидали черные лошади, впряженные в черную карету.

– Я давно жду, – сказал кучер. – Куда поедем?

– На дачу в Клиши и обратно. Поедем быстро...

В актерских способностях мадам Рекамье он не сомневался. Так бывало уже не раз; побледнев, она вдруг теряла сознание, и лакеи на руках уносили ее, бесчувственную, в спальню, после чего гостям объявляли:

– Мадам Рекамье уснула. Легкий сон оживит ее ослабев-

шие силы, и она скоро порадует нас танцем с шалью...

Но в спальне женщины уже не было. Закутанная в плащ, она тихо выскользнула из калитки сада, Моро принял ее в свои объятия, кучер не жалел лошадей...

...Жюльетта вышла к гостям, чуть смущенная, нежным и тихим голосом проворковала, что ей стало лучше.

– Вы ждете от меня танец с шалью? Хорошо, друзья...

Она звонко ударила в бубен и прошлась по кругу, изгибаясь тонким телом, концы шали текли вдоль нее, как струи воды, и все мужчины при этом испытали некоторую тревогу. Элиза Баччиокки снова преследовала ее:

– Мой брат смотрит на все это вполне серьезно. У него есть официальная супруга, теперь он, как первое лицо в государстве, нуждается в официальной фаворитке. Вас ожидает блистательная судьба Дианы де Пуатье, судьба мадам Монтеспан.

– Благодарю. Но я решила остаться мадам Рекамье...

Из ночного сада слышался рев – это рычал во мраке Авейронский дикарь, который до утра будет спать на дереве.

XIX век вступал в свои исторические права!

.....

В это переломное время, на самом срезе эпохи, знаменитый Роберт Фултон, не сумев заинтересовать Лазара Карно идеей создания подводных кораблей, решил заработать деньги иным путем. Предприимчивый американец, по профессии живописец и ювелир, он открыл на Елисейских По-

лях павильон, в котором и расположил обширную панораму под названием:

«ПОЖАР МОСКВЫ»

Парижане охотно платили Фултону деньги, чтобы посмотреть, как в огне пожаров корчится, сгорая, русская перво-столица, в языках дымного пламени погибают колокольни древнего Кремля... Это не было гениальным пророчеством – лишь случайное совпадение, от которых история мира никогда не была и не будет застрахована!

7. Начало века

Светило солнце, крыши Петербурга купались в розовом снегу. Перед Зимним дворцом (ради обогрева извозчиков) полыхали громадные костры, сложенные из массивных бревен, их пламя вздымалось высоко. Через окна деловых апартаментов император Павел I наблюдал, как над куполом Академии художеств кружатся вороны...

Звонок – время докладов. Явился Федор Растопчин – умнейший прохвост (которого через 12 лет народная молва сделает «поджигателем Москвы»). При нем – портфель, подозрительно толстый. «Нет ли опасности... из портфеля?»

– Жду новостей с Мальты, – сипло сказал Павел.

Французский гарнизон Мальты, засев в цитадели Ла-Валлетты, выдерживал осаду англичан. Адмирал Нельсон не забрал на эскадру Эмму Гамильтон, чтобы нежная леди насладилась унижением республиканцев. Но крепость не сдавалась, на гласисах ее фортов плясали воздушные французские балерины, самим дьяволом занесенные на Мальту, и эскадра, обескураженная, отворачивала к Неаполю. Об этом и шла беседа.

– Британцы, штурма робеючи, ожидают, покудова французишки сами не передохнут. Дровишек на Мальте нету, так они, твари, корабли на дрова ломают. Водка у якобинцев давно кончилась, а рисом они танцорок своих кормят...

Растопчин умолк. Павел сказал:

– Если я гроссмейстер Мальтийского ордена, Мальта моя, как и Россия. Скажите британскому послу Чарльзу Уитворту, что мое величество гневается... А что из Парижа, граф?

– Фабрики заработали, всем нашлось дело. Мясо подешевело, и хлеб появился. Видать, Бонапартий спекуляторов душил. Сам же он не ужился во дворце Люксембургском и устроил для себя и родственников квартиры в Тюильри королевском. По слухам же, престолу вашему он выражает респект солидный, из чего мнение складываю: вражды к нам не имеет.

– Что у тебя в портфеле? – вдруг крикнул Павел.

Растопчин предъявил хитрое сооружение:

– Извольте видеть, замок «французский». Хитроумность его с полезностью сочетается. Ежели покуститель открывает двери снаружи, то пистолет, в замок вделанный, производит выстрел, пламя коего запаливает свечу у дверей. Хозяин дома просыпается от выстрела в покоях, уже освещенных, а покуститель удирает... Что бы и вашему величеству в замке Михайловском такие замки поставить?

Рыцарское строение Баженова должно было в новом царствовании затмить славу Зимнего дворца – растреллиевского. Белый супервейс, наброшенный поверх мундира гатчинского, был украшен на груди Павла Мальтийским крестом.

– На что мне фокусы? – спросил Павел. – Пусть Бонапартий в Тюильри этикие замки вкручивает... Дело говори!

– Дело, ваше величество, прискорбное. Зачем Россия с Францией воевала? Ваша мудрейшая мать всю Европу взбулгатила, чтобы душили сообща извергов парижских. А сама при этом дома сидела, кофий пила да кошек гладила. Ни единого солдата противу якобинцев не дав, она на Востоке русские дела в порядок приводила... Какие претензии мы можем иметь к Франции, разделенные с нею Германией? – настаивал Растопчин. – Нашими-то жертвами мы насытили алчность банкиров Сити, мы губили лучшие войска за интересы кабинета венского... Есть ли резон строить политику внешнюю на разногласиях с Францией, ежели причин для разногласий не имеется? Хотят они якобинствовать, ну и пушай бесятся. Перебесятся – и сами притихнут. Нам-то што с того?

– Ты прав, и об этом я мыслю. Паче того, кабинеты сент-джемский и венский одни подлости нам делают...

В самом начале апреля, обходя гулкие залы недостроенного замка, Павел сердито указал графу Растопчину:

– Велю отозвать послов российских из Вены и Лондона, Чарльза Уитворта гнать вон... Всюду убрать портреты сумасшедшего Георга английского и заносчивого Франца цесарского. Взамен им в аудиенц-залах желательно видеть личину первого консула Бонапартия, и пусть все с прилежностью и вниманием на нее взирают... Слава Богу, ЦЕЗАРЬ ЯВИЛСЯ!

...Екатерина II перед смертью не раз восклицала: «Ну, где

же Цезарь? Когда явится? Чего же он медлит?» Женщину не обманывало политическое чутье; она ожидала прихода к власти диктатора, который погребет останки революции. Екатерина писала, что Франции «нужен человек, выходящий из ряда обыкновенных смертных, ловкий, храбрый, стоящий не только выше современников, но, может быть, и выше самого века. Родился он или не родился? Если таковой сыщется, время остановится там, где он будет стоять...»

Суворов был еще жив!

.....

Он был еще жив, а Италия уже растерзана. Австрийцы истребляли патриотов безжалостно. Обнаженных женщин секли на пнях, оставшихся от спиленных «деревьев свободы». Армия венского барона Меласа не могла взять лишь Геную, где засел генерал Массена. На юге Италии, в королевстве Неаполитанском, адмирал Нельсон украшал реи своих кораблей гирляндами повешенных республиканцев, а прекрасная Эмма Гамильтон рукоплескала одноглазому и однорукому любовнику...

Бонапарт бывал откровенен с Бертье:

– Вы думаете, французам так уж дороги прежние идеалы свободы, равенства и братства? Они уже объелись ими при Робеспьере и теперь желают только удовольствий, ибо все они легкомысленны и тщеславны. Любой народ – это сырая, бесформенная глина. Слепи из нее шар – и кати куда хочешь! Шар покатится... Прежние девизы можно теперь заменить

иными: честь, слава, богатство!

Бертье доложил, что русское оружие отдано в мастерские для ремонта и чистки. Бонапарт спрашивал у Карно:

– Как дела с русскими пленными?

– К ним послали врачей. Хорошо кормят. Они пьют вино. Военные швальни Парижа озабочены скорейшим пошивом новых русских мундиров – в точности по форме полков. Павел Первый, очевидно, не страдает дальтонизмом, и нам никак не подобрать расцветку воротников – абрикосовых, селадоновых, изабелловых и песочных. Русские сами в них не разберутся!

Бонапарт залез пальцами в табакерку Бертье.

– Помнишь ли, я вывез из Италии шпагу, которой римский папа Лев Десятый одарил мальтийских магистров? Вели золотить ее заново – мы пошлем шпагу в Петербург, чтобы доставить удовольствие этому курносому чудаку... Где Моро?

Когда Моро явился, Бонапарт сказал ему:

– Примешь ли команду над Рейнской армией, которая в случае успеха станет на Дунае? Вена зазналась. Не пора ли нам снова проучить ее палками? (Карно вмешался в их разговор: «Только не бейте Австрию сильно, иначе Россия начнет пересчитывать ее синяки».) Нам, – продолжал Бонапарт, – не предстоит страдать совестью. Война будет справедливой. Не мы ее вызвали. Я за мир в Европе, но меня оскорбили: мои предложения к миру отвергнуты. Гордость

Франции не позволяет сносить ни лондонского чванства, ни венской надменности...

Моро снова получал армию! Он переехал на улицу Анжу, где во дворе дома держал конюшни и кареты для выездов. Стены кабинета украсил видами пейзажей родимой Бретани и гравюрами с изображением скаковых лошадей. Моро ощущал в себе большой запас сил и здоровья, а нежность к милой Александрине (спокойная и ровная) заставила его представиться ее матери.

Госпожа Гюлло оказалась в том приятном возрасте, что и Жозефина Бонапарт. Революция уничтожила обращение к женщине «мадам», но генерал не желал именовать будущую тещу *citoyenne* (гражданка). Моро еще не просил руки ее дочери, но женщина сама догадывалась, чем вызван его визит. Зная о славе генерала, опытная дама с трудом скрывала материнскую радость по случаю такой великолепной партии. Конечно, мадам Гюлло не преминула коснуться и газетных сплетен:

– Правда ли, генерал, что вы ездили на поклон к этим выскочкам – кузинам Богарне? Я очень далека от этой семейки, но слышала не раз, что Гортензия не может найти мужа по причине дурной репутации матери...

В неприязни ее к Жозефине Моро легко обнаружил чисто женскую зависть. Колониальная аристократия, особенно креолы с их смешанной кровью, всегда имела большую склонность к вражде и склокам. Моро очень хотелось бы по-

вторить мнение Даву о газетах, но он благоразумно сдержался.

– Вы, генерал, бываете и у мадам Рекамье?

Ответ Моро не вызвал и тени подозрений:

– Я, как и все, очень уважаю эту умную женщину...

Проверка нравственности закончилась, и мадам Гюлло обратилась к содержимому генеральского кошелька. Сначала она дала понять, что острова Бурбон с Иль-де-Франсом², лежащие к востоку от Мадагаскара, можно считать, почти отрезаны от метрополии блокадой английских пиратов.

– Доходы с плантаций непостоянны, – сказала она, – а моя Александрина не привыкла сносить бедность...

Тут же, испугавшись, что жених сочтет их семейство нищенским, Гюлло заявила, что приданое дочери обеспечит замок Орсе в зеленых предместьях Парижа. Моро отлично распознал все ее меркантильные ухищрения.

– Мадам, – сухо произнес он, – мои кошельки от золота еще не лопаются. Но положение командующего Рейнской армией сулит мне сорок тысяч франков. Поверьте, что пальцы избранницы моего сердца не станут вылезать из рваных перчаток.

Он как раз сегодня был приглашен в Мальмезон, но теперь, ощутив соперничество Гюлло с семьей Богарне, умол-

---

² Французская революция переименовала остров Бурбон в остров Соединения (ныне заморский департамент Франции – Реюньон); остров Иль-де-Франс с 1814 г. стал английской колонией, ныне самостоятельное государство Маврикий.

чал об этом. По дороге в имение Жозефины генерала дважды задерживали возле кордегардий. Это удивила Моро, при встрече с Бонапартом он спросил:

– Отчего набережная обрела новые заставы?

– Я часто езжу этой дорогой и недавно узнал, что по дороге в Мальмезон на меня готовится покушение.

– Откуда это стало известно?

– От Фуше.

– Наверное, знать об этом очень противно?

– Я испытываю брезгливость, и только...

Жозефина, очень оживленная, показала оранжереи с тропическими растениями, домашний зверинец с редкостными животными, которых она закупила в Африке и Америке. Столы в ее комнатах были завалены ботаническими атласами.

– Когда я была бедной вдовой, я часто глядела на другой берег Сены, размышляя о счастье семьи Куте, жившей в Мальмезоне... Теперь он мой, и я безмерно счастлива!

Ужин за столом Бонапартов был скромен. Первый консул имел теперь пятьсот тысяч франков жалованья, и Моро было приятно слышать от Бонапарта, что он всем-всем доволен:

– Главное, чтобы желания не опережали возможностей. Даже если меня лишит консульских достоинств, у меня останется дом в Париже и дача в Мальмезоне... Что еще человеку нужно? – дружески спросил он Моро. – Может быть, гражданке Жозефине и мало, но гражданину Наполеону до-

статочно...

Бонапарт рассуждал, как преуспевающий буржуа, загодя рассчитывающий свои доходы; наверное, так же в корсиканском Аяччо сидел вечером его отец, обдумывая с женой Летицией, как прожить со скромной адвокатской практики. В золотистых сумерках Мальмезона желтый лионский бархат на мебели отливал старомодным уютом. Жозефина, посверкивая прекрасными глазами, рассказывала об успехах Гортензии в живописи:

– Мою дочь обучает сам Батист Изабе.

– А это ученик Луи Давида, – напомнил Бонапарт.

– Изабе лучше Давида и Жерара.

– А мне нравится Давид... он сдержаннее.

Только сейчас Моро сообразил, что художник Изабе – двойник Бонапарта: лицо, фигура, походка – все было похоже! Не затем ли Изабе и катается в Мальмезон, чтобы ввести в заблуждение заговорщиков, если слухи о покушении на Бонапарта не выдуманы самим Фуше? В эту ночь Моро снились разбитые дороги отступления армии, умирающие лошади с красивыми страдальческими глазами. Наконец, кузнечный фургон, опрокинутый в канаву, стал для него кошмаром! До рассвета генерал Моро собирал гвозди и подковы, сыпавшиеся из фургона, он пихал в рваные мешки куски угля. Проснулся же разбитый, обессиленный и долго сидел на постели, пытаясь сообразить, что случилось вчера; доходы с плантаций сахарного тростника перемешались с мини-

атюрами Изабе, а колючки дикобраза из Мальмезона перепутались с гвоздями для подковки кавалерии. Наконец память нечаянно воскресила фразу Бонапарта, произнесенную им вчера: «Я не хочу, чтобы меня только боялись, – я хочу, чтобы меня еще и любили...»

8. Улица Победы

Лазар Карно уже заметил, что между разгромом Моро в Италии и крахом восточных иллюзий Бонапарта в Египте история может смело ставить жирный знак равенства. А теперь борьба за первенство, казалось, будет продолжена. В армиях уже возникали споры: кто лучше – Моро или Бонапарт?

Моро хотел понять, почему консул доверил ему большую армию, а Бертье в Дижоне тайно готовил для консула резервную – меньшую. Перед отъездом Моро в Страсбург состоялось свидание с Бонапартом, который начал беседу с того, что банкир Уврар, отец детей Терезы Тальен, уже давит клопов в тюрьме. По мнению консула, каждый миллионер время от времени обязан отрывивать излишки доходов в общественную бочку, если он не хочет всю жизнь поедать тюремную чечевицу.

– Вена палит из пушек английскими фунтами стерлингов, нам для стрельбы тоже необходимо золото. – В разговоре Бонапарт пощелкивал хлыстом по голенищу своего сапога. – Твоя Рейнская армия по четырем наплавным мостам между Базелем и Шафгаузеном форсирует Рейн. Отбросив австрийцев к Верхнему Дунаю и отрезав их от Франконии, нельзя позволить венским мудрецам помогать их армии барона Меласа в Италии...

Моро ответил, что план, очевидно, великолепен для Бо-

напарта, но он, Моро, привык воевать по своей системе.

– От венских шпионов не скрыть переправу в четырех местах сразу, как не построить сразу и четыре моста. Пусть Рейн спит, – сказал Моро. – Я не стану тревожить его по ночам стуком молотков, сколачивая понтоны. Зачем же тогда в Страсбурге, Бризахе и Базеле стоят нерушимые мосты из камня, сооруженные еще римлянами? Через городские мосты тремя колоннами я двигаю армию к Шафгаузену, и этим же маневром я прикрываю форсирование Рейна остальными войсками.

Бонапарт хлыстом больно высек штабные карты, как Александр Македонский высек когда-то море.

– Ты споришь? Я не желаю возражать. В любом споре между нами многие пожелают видеть лишь наше соперничество. Одним до безумия нравится генерал Моро, а другие готовы умереть за консула Бонапарта... Зачем нам давать смешные поводы для злоречия? Кто у тебя главным в штабе армии?

– Отличный генерал Виктор Лагори.

– Пришли его! С ним я договорюсь скорее...

Лагори с умным видом рассматривал карты, на которых отпечатались страшные рубцы бонапартовской плети.

– Все бретонцы, – сказал он о Моро, – упрямые верблюды. Если моему генералу навязывать чужую волю, он свалит армию на Бернадота, а сам уедет в деревню Гробуа, где и уподобится Цинциннату, бредущему за плугом... Моро таков!

– Бернадот для меня – пешка в шахматах. Я уступаю тебе,

Лагори! Но в любом случае, – настоял Бонапарт, – австрийцы должны быть отброшены армией Моро к Регенсбургу, а корпус Лекурба вплотную придвинут к Швейцарии...

Очевидно, консулу не хотелось произносить последней фразы, его вынудили к тому обстоятельства. Виктор Лагори, повидавшись с Моро, высказал ему свои подозрения:

– Не станут ли доить нашу армию со стороны швейцарских кантонов?

– Увидим. Я выезжаю. Через Шалон и Нанси...

В Страсбурге уже началась лагерная жизнь. Здесь квартировали генералы – Декан, Ней, Гренье, Ришпанс, Лекурб. Моро был рад видеть Груши, который при Нови получил тринадцать ран, едва живым его подняли солдаты Суворова. Груши днями отсыпался на солнечных лужайках, а по ночам кутил в шатре с молодой маркитанткой.

Готовя армию, Моро не щадил себя, не щадил и людей.

– Рапатель, покажи новобранцам-конскриптам, как можно ускорить шаг, держась за хвост лошади кавалериста.

Рапатель, вцепившись в хвост драгунской кобылы, исправно шлепал по лужам. С карабином в руке Моро разбежался и, подобно вольтижеру из цирка Франкони, вспрыгнул с земли на круп лошади.

– Учитесь падать... вот так! – Командующий армией плашмя рухнул наземь. – Не бойтесь! – крикнул Моро, вскакивая и стреляя. – У хорошего солдата все кости целы...

Знаменитая «Марсельеза» имела существенный подзаго-

ловок: «Боевая песнь Рейнской армии». Рейнская армия была лучшей во Франции, в ней еще свято соблюдались заветы революции, она была, не в пример другим армиям, спаяна идеями свободы и дисциплиной. Мародерство каралось. Лишь в редких случаях, чтобы напугать человека, в него стреляли холостыми патронами. Обычно же казнили боевыми – сразу в яму! Ветераны имели страшнейшие усищи, в их ушах качались тяжелые серьги. Пионеры (саперы) еще пудрили головы, у них были очень длинные бороды. А гусары отращивали длинные косы, но не с затылка, а от висков; свитые в две верёвки, перевязанные лентами, эти косы спадали до плеч вдоль щек... Но эта армия опять шлепала без обуви, раздетая и разутая еще со времен Директории, и потому Моро был прав, обращаясь к ней так:

– Босяки и голодранцы, республика ожидает от вас подвигов, чтобы народ Франции обрел спокойствие мира...

Своры собак сопровождали войска республиканцев. Австрийской армией руководил барон Край фон Крайов, и Моро поклялся перед всеми искалечить его карьеру.

– Подумайте! – говорил он генералам. – Вена за битву при Нови дала Краю лавры, отняв их у Суворова, из чего получается, будто меня в Италии разбил не Суворов, а этот старый недоносок... Посредственность не умеет побеждать!

К спинным ранцам австрийцев ремнями были привязаны караваи круглого крестьянского хлеба, и, когда они удирали, республиканцы, нагоняя их, видели перед собой только одно

– хлеб, хлеб, хлеб, много хлеба! Почти все пленные не знали немецкого языка: кроаты, украинцы и русины. Недавно взятые под ружье из белых хаток, они, попав в неволю, сильно плакали. Им было жалко и хлеба, который испекли для них матери и жены, провожая на войну с какими-то непонятными «якобинцами». Наконец к Моро доставили австрийского генерала – без штанов, схваченного в постели.

Он был преисполнен возмущением:

– Женераль, вы заставили меня потерять честь!

Моро не стал выражать ему сочувствия:

– Можно ли говорить о потере того, чем вы, кажется, не обладали? Лучше сказать иначе: вместе со штанами вы потеряли все, что у вас было дорогого... Где ваш Край?

Разбитый уже трижды, Край страдал нервной экземой.

– Какое место у него чешется? – спросил Моро.

– *Corpus delicti*.

– Сочувствую ему, – сказал Моро. – Именно это место в порядочном обществе чесать не принято...

Он отвернулся к окну, наблюдая, как солдаты опаливают на костре большую свинью, отчужденно проследил за супружеской четой аистов, которые, треща клювами, устраивали гнездо на крыше дома. Пленному дали старые панталоны, и, надев их, он сразу обрел самоуверенный тон:

– У меня нет с собой кошелька, чтобы расплатиться за эту рвань! Вы спросили: где Край? Так я скажу, что его армия укрывается в Ульме, где колоссальные магазины Дунайской

армии, и вам ни крепости Ульма, ни славного Мюнхена не взять...

Но французская речь быстро заполняла улицы деревень, хуторов и городишек Баварии, наконец показался и Мюнхен, в его воротах уже выстраивались депутаты.

– Декан, – сказал Моро, – ты ведь еще никогда не брал городов? Поди, друг, отбери у них ключи Мюнхена...

Мюнхен был городом богатым, Моро велел выдать войскам жалованье, его солдаты обвешались кругами колбасы, гирляндами жирных сосисок, тащили на штыках свиные окорока. Но еще до взятия Мюнхена ставку рейнской армии навестил генерал Бертье, и Моро спросил, с чем он прибыл.

– С приказом первого консула: левое крыло Рейнской армии под знаменами Лекурба оставить в Швейцарии.

– Это несправедливо, Бертье! Против меня – полтораста тысяч штыков и сабель Края. Если отдать тридцать две тысячи солдат Лекурба, скажи, Бертье, с чем я останусь?

– Требование первого консула неукоснительно: левое крыло твоей армии должно запирает Швейцарию от Италии.

– Или наоборот – Италию от Швейцарии?

– Ты догадлив, дружище...

Все ясно! До этого играли в легкую тактику, но теперь в бой пошла тяжелая стратегия. Бонапарт главную Рейнскую армию обратил во вспомогательную, чтобы вся нагрузка побед досталась резервной – в Италии, куда он сейчас и торопился, явно недовольный быстрыми (очень быстрыми!)

успехами армии Моро...

Моро пригласил Бертье к обеду.

– Как генерал, я против ослабления своей армии, но, как гражданин, покоряюсь обстоятельствам, надеясь, что эта жертва необходима для общего блага республики...

Победив себя, не уступал ли он победу другим? Он еще ничего не проиграл. Но кто-то уже, наверное, выиграл?

.....

Певица миланского театра Ла Скала, очаровательная Грассини, давала концерт в доме маркизы Кавур (внука этой маркизы, Камилло Кавура, еще не было на свете, а бабушка знаменитого патриота была далека от патриотизма). Послушать певицу собрались не только местные аристократы, но и австрийские оккупанты во главе с престарелым, но еще довольно-таки бодрым живодером итальянского народа, бароном и фельдмаршалом Бенедиктом Меласом. Пока Грассини чаровала гостей руладами своего бесподобного контральто, хозяйку дома развлекал молодой и очень красивый шваб, венский офицер и граф Адам Нейперг³.

– Кажется, Грассини отпевает нашу любовь. Не вскрикивайте от страха и не делайте резких жестов, если я вам скажу: с Альп сюда сваливается армия Бонапарта, и мы будем... побеждены. С нашими дураками иного нельзя и ждать!

---

³ А.-А. Нейперг (1775–1829) – впоследствии муж второй жены Наполеона Марии-Луизы, в бою с французами лишился глаза. Позже состоял министром в Парме, где Мария-Луиза после свержения Наполеона была герцогиней.

Аристократка Кавур давно смирилась с австрийским владычеством в Италии, новые перемены ее только пугали:

– Помилуйте, в Альпах еще не растаял снег, и быть того не может, чтобы французы осмелились перевалить через неприступный Сен-Бернар. Как они протащат свою артиллерию?

– Французы сняли пушки с лафетов и устроили для них «гробы», выдолбленные из толстых деревьев. В этих «гробах» и волокли пушки... Бонапарт обманул всех! Он вывел армию из Дижона, где она считалась резервной, и в Вене на нее даже не обращали внимания. Все силы нашей великой империи были устремлены против Рейнской армии, против генерала Моро...

Нейперга вскоре подозвал генерал Антон фон Цах, начальник штаба армии Меласа, он же и профессор математики.

– Отчего маркиза Кавур сначала смеялась?

– Я рассмешил её новеллой о повадках вашей лошади, которая в битвах носит вас, как подлинного героя.

– Но что было вами сказано хозяйке дома потом, отчего она проявила такое сильное волнение?

– Я сказал ей, что под жезлом непобедимого барона Меласа Бонапарт будет растрепан нами быстрее, нежели Моро Суворовым...

Бонапарт покинул Париж, когда в далеком Петербурге народ прощался с Суворовым. Через перевал Сен-Бернар кон-

сул проехал верхом на муле. Солдаты имели в ранцах еды на восемь дней, сорок патронов на ружье – и все! Спустившись в цветущие долины, Бонапарт выслушал доклад Бертье о положении в Генуе:

– Горожане едят траву и падаль, Массена уже не ставит к пленным караулов, боясь, что часовые будут съедены.

– Пусть Массена сожрет под собой даже землю, Бертье, я появился здесь не ради кормления голодающих...

2 июня он вошел в Милан; здесь Бонапарту принесли сумку венского курьера, подстреленного в пути. Из бумаг выяснились планы барона Меласа, который активно группировал войска недалеко от деревни МАРЕНГО.

– Я обещал дать битву у Маренго, и я ее дам! Дезе, – позвал он своего любимца, – бери шесть тысяч и ступай к Нови, чтобы Мелас не смог опереться флангом на Геную. Где Виктор? Ему выдвигать дивизию прямо к Маренго...

Виктор с дивизией ушел. Дезе ушел тоже.

– Бертье, у вас недовольное лицо? Почему? Или маркиза Висконти забыла покормить своих собачек?

– Мы излишне распылили свои силы, консул.

– Не так ли поступил и Мелас? Мне нужна ваша улыбка, Бертье... Помните: в случае моего поражения всю вину за него я без церемоний свалю на вас. Ибо, по праву консула, я лишь присутствующий при вашей армии... Поняли?

Бертье давно это понял. Но и Бонапарт понимал: проиграв битву, он проиграет *сам себя*. Не будет ни первого кон-

сула, ни роскоши Тюильри, ни тропиков Мальмезона, ни его славы, ни его будущего. Он останется на мели с женой-рас-
тратчицей и громадным кланом жадных сородичей, которым
всегда мало и всегда надо много. Увидев пыль на дорогах
и послушав, как стучат австрийские барабаны, он спокойно
сказал Бертье:

– А вот и Мелас... не пора ли начинать?

Мелас обрушил на него свои войска, словно прокатывая
чудовищные жернова, меж которых он мгновенно перемолол
французов. Все было кончено так быстро, что Бонапарт едва
опомнился. Он видел бегущих солдат, бежал стойкий Кел-
лерман, бежал даже хвостун Мюрат, все бежали... Драпали!

– Держитесь! – призывал консул. – Держитесь из послед-
них сил. Дивизия Дезе спешит обратно... Бертье, – резко по-
вернулся он, – пожертвуем консульской гвардией.

И гвардия пошла под огонь, чтобы погибнуть. Австрий-
ская картечь осыпала французские каре, мадьярская пехота
расстреливала всех в упор. К трем часам дня Мелас полно-
стью очистил поле битвы от французов; барон ощутил вдруг
голод и сказал Цаху, что часть армии может уже обедать.

– Цах! Картина дописана до конца. Вам остается добить
Бонапарта, а я поеду в Александрию, дабы составить побед-
ные реляции для его величества императора Франца...

Мелас, отъехав, слышал усиление пальбы, но не придал
ей значения. На самом же деле это вернулась из-под Нови
дивизия генерала Дезе, и Бонапарт притворным смехом пы-

тался скрыть от него весь трагизм своей неудачи:

– Дезе, тут неплохая куча... видишь?

Дезе поздравил Бонапарта с... поражением.

– Первая битва консула проиграна. Но вторую битву при Маренго я, генерал Дезе, еще могу выиграть.

Без особого пыла он повел дивизию за собой. Но вдруг остановил лошадь и (по словам очевидцев) покачал головой:

– Кажется, тут уже ничего не исправишь...

Вдоль фронта растягивалась плотная колонна австрийцев, преследуя побежденных, а Дезе... упал.

– Дезе выбит из седла, – доложили Бонапарту.

– Можно ли его спасти?

– Пуля в сердце.

– Ах, почему я не могу плакать сегодня?..

В этот момент лошадь под Цахом взбесилась, занеся генерала в ставку Бонапарта, где Бертье и принял у него шпагу:

– Надеюсь, вы сдались без принуждения?

Начальник штаба армии в плену. Что тут скажешь?

– Да, мсье Бертье, – сказал Цах, – если вы имеете в виду мою кобылу, то она сдалась добровольно...

Между тем в глубокой лощине, заросшей виноградниками, не совсем трезвый Келлерман собрал свою потрепанную кавалерию. Тяжелую! Заметив в войсках Дезе колебания, Келлерман обнажил свой страшный палаш для сокрушения касок:

– Видите колонну? А вдруг повезет? Пошли... марш!

Громадные кони (а всадники в кирасах), сокрушая изгороди виноградников, галопными взмахами выскакивали из лощины. Келлерман в свирепом наскоке рассек колонну противника.

Место убитого Дезе заступил генерал Буде:

– Французы! Не наш ли последний шанс? Вперед...

Фельдмаршал Мелас отослал в Вену курьеров с известием о победе и сказал, что теперь не мешает вздремнуть, когда к нему ворвался граф Нейперг:

– Спасайтесь! Идут французы... мы разбиты!..

Когда все было кончено, к генералу Буде подъехал верхом молодой генерал Жан Савари, и вот что он сказал!

– Ну, Буде! Ты спас Францию при Маренго, ты спас честь Бонапарта, и потому карьера твоя закончилась...

Бонапарт уже начал очаровывать фон Цаха:

– Вы профессор математики? Ах, как я вам завидую, я люблю алгебру... Не кажется ли вам, что мы сегодня занимались не тем, чем нужно? Но я счастлив видеть вас, коллега...

Он с Бертье обсуждал текст победного бюллетеня, когда их беседу нарушил вопль адъютанта Лефевра:

– Помогите, там Мюрат дерется с Келлерманом!

Бертье поспел вовремя: пламенный Мюрат в малиновом бурнусе араба уже приставил острие сабли к горлу Келлермана:

– Это моя конница все сделала, это я победил!

Келлерман рукою отбил от себя оружие:

– Разве не я развалил колонну, которую и стал потрошить Буде? Если не я выиграл, так выиграл Буде...

Бонапарт спросил вернувшегося Бертье:

– О чем там спорили эти петухи?

– Не могли поделить славу.

– Славу буду делить я, – сказал Бонапарт...

Он воздал должное мёртвому Дезе, бюллетень для Парижа был составлен в таких выражениях, что никто бы не усомнился в личной победе консула. Только через полвека возникли первые робкие сомнения. А через сто лет в Александрии собрался международный конгресс историков, посвященный юбилею Маренго; историки были озадачены – кто же решил судьбу этой битвы? Бонапарт? Но он проиграл сражение. Дезе? Но он погиб, не успев вступить в битву. Келлерман? Но его драгуны лишь опрокинули австрийскую колонну. Неужели... *Буде?* Простите, господа, а кто такой этот Буде? Кто его знает? И не прав ли был Савари в своем пророчестве? Буде вычеркнут из истории, из энциклопедий, из справочников. О нем говорили все участники битвы при Маренго, но Бонапарт о Буде молчал, именно это молчание особо подозрительно для истории...⁴ На конгрессе вспомнили и певицу Грассини. Поле битвы еще дымилось кровью, когда Бонапарт велел Бертье ехать в Милан и доставить ему

---

⁴ Зависть Бонапарта к чужим успехам коснулась тогда не одного Буде: «Келлерману Наполеон никогда не мог простить его быстрое и решительное движение при Маренго (сказывают, вполпьяна совершенное)», – писал А. И. Тургенев, хорошо знавший многие секреты французского общества той эпохи.

красавицу.

– Но я же вам не сводня! – вспыхнул Бертье.

– Бертье, – отвечал Бонапарт, – если вы отказываетесь, я сегодня к ужину приглашу маркизу Висконти, а вас отошлю в Париж с известием о моей победе при Маренго...

Бертье приехал в Милан. Молодая женщина никак не могла взять в толк, почему три года назад Бонапарт не обращал на нее никакого внимания, а сейчас она вдруг срочно ему понадобилась. Бертье объяснил певице: «Синьорина, но тогда наш первый консул гонялся за другими зайцами...»

Утром Грассини спросила победителя при Маренго:

– Скажи, чем я тебе понравилась?

– Своим именем – Жозефина...

Впрочем, по-итальянски она звалась Джузеппиной.

.....

Париж и Вена пережили страшное нервное напряжение. Сначала «зеркальный» телеграф передал французам известие о полном разгроме армии Бонапарта, а курьеры, посланные Меласом, известили Вену о блестящей победе над французами. Затем зеркала просверкали Парижу о победе, а следующие курьеры Меласа погрузили Вену в мрачную бездну отчаяния...

Что там дорога от Фрежюса? Подлинный триумф Бонапарт изведаль после Маренго, когда вернулся в Париж, обуянный всеобщим ликованием. Французы радовались, как дети, а рабочие, набрав камней, выбивали стекла в окнах тех до-

мов, которые не были украшены, не были иллюминированы:

– Эй! Кто тут живет? Уж не роялистская ли гадина? Почему не радуются вместе с народом? Да здравствует наш великий консул, давший нам славу, порядок и дешевое мясо...

Улица Шантрэн была переименована в улицу Победы!

9. Всаднику оставаться спокойным

– Ну, вот и все, – говорил Бонапарт жене. – И как все просто... Люди боятся катастроф, но они нуждаются в них: сильные потрясения оживляют мир, и люди начинают боготворить тех, кто эти катастрофы вызывает... Каждое поколение французов нуждается в хорошей кровавой бане!

Отныне власть Бонапарта покоилась уже не только на 18 брюмера – она обретала нерушимый фундамент. Но после Маренго он стал более сдержан, даже суховат, привык держать правую руку за отворотом жилета, чтобы избежать пожатия других рук, – ему, первому консулу, уже неприлично это приветствие, означающее равенство и братство. Правда, Бонапарт оставался и теперь крайне любезен с народом, он запросто хлопал солдат по плечу («Как живется, старый ворчун?»), генералов брал за ухо или отпускал им легкие приятельские пощечины, и эта ласка заменяла им награждение орденом.

После Маренго бедная Италия снова подверглась разорению. Лувр обогатился множеством живописных сокровищ, взятых из монастырей, из городских пинакотек, просто сорванных со стен частных квартир. Через заставы Парижа тянулись тяжелые обозы генералов: груды старинной мебели, посуда и серебро, ковры и ткани, картины и скульптуры – все это победители бессовестно растаскивали по своим особня-

кам, уже распухшим от пресыщения. Сыновья мелких нотариусов и трактирщиков, внуки мельников и бочаров, наследники лавочников и конюхов, генералы уже не знали, чем украсить своих жен и метресс. Не знали, чем украсить и себя: на их шляпах сверкали дамские эгреты, в плюмажах треуголок колыхались громадные перья страусов. Бонапарт не обращал на этот безбожный карнавал никакого внимания, поступая так, очевидно, из принципа: «Если танцуешь сам, не мешай танцевать другим».

Луи Давид был вызван им в Тюильри:

– Надеюсь, вы оставили свой «Переход через Фермопилы»? Франции нужно показать переход через Сен-Бернар. Можете внизу картины написать мое имя подле имен Карла Великого и Ганнибала... Позировать? Но у меня, Давид, нет времени. Натяните на манекен мой мундир, пропахший порохом Маренго, нахлобучьте на любого болвана мою шляпу... Наверное, вы, Давид, уже распознали мой гений?

– Да, гражданин Бонапарт.

– Зовите меня проще: мсье...

Давид поспешил исполнить персональный заказ великого человека. Художник-якобинец превращался в придворного с неизменным: чего изволите? Так тростник сгибается ветром. Бонапарт желал видеть себя на кручах Сен-Бернара верхом на вздыбленном жеребце. «Лошадь вы сделайте горячеей, – диктовал он, – но всадника оставьте спокойным...»

.....

Лагори с генералом Неем увели кавалерию вперед, а Моро задержал свою лошадь. На этой безлюдной дороге ему казалось, что он досматривает вещий сон: перед ним валялся кузнечный фургон, опрокинутый в канаву, из него неряшливой грудой высыпались гвозди с подковами, через рваную мешковину виднелись куски угля. Сердце кольнуло дурным предчувствием, и тут Моро увидел австрийцев – их белые мундиры, их полированные до блеска штыки; молодой венский ротмистр, улыбаясь, целился из пистолета, другая рука его картинно опиралась на великолепную трость с рукоятью из голубого оникса, и Моро удивился, что даже в такие моменты жизни сознание может четко фиксировать подобные мелочи.

– Какая честь для меня! – воскликнул офицер. – Я лишь ротмистр, а пленяю дивизионного генерала Франции.

Ну, в таких случаях лучше идти вперед... Моро тронул лошадь шенкелями, в жестоком посыле она перемахнула канаву.

– А вы не подумали, сударь, какая честь сложить оружие перед генералом Моро? Успокойте своих солдат...

Опытный воин, он вмиг уронил голову к холке коня, и пуля прошла над затылком. Палаш – вон, вон, вон...

– А! – с надсадой произнес Моро и видел как развалилась медная каска. – А! – повторил он, рубя снова, и видел, как голова стала отделяться от шеи...

Один штык погрузился в круп лошади, как в тесто, другой

болью пронзил ногу Моро, и он ускакал прочь, провожаемый пулями. Лагори сначала заметил ранение животного:

– Из нее хлещет, будто кагор из дырявой бочки.

– Да, Лагори, да, дружище... Но еще не отлита пуля, на которой было бы начертано: гражданин Моро!

Кампания затягивалась. Моро был вынужден подчинить свою, тактику общей стратегии войны. Одним флангом он упирался в крепость Ульма, где засел Край со своей экземой, другим флангом прикрывал армию Бонапарта в Италии – со стороны альпийских проходов. Генералы, не всегда зная истинные причины его сдержанности, упрекали Моро напрасно...

Кавалерия долго ехала ореховым лесом.

– Лагори, у меня набежал полный сапог крови, а кобыла стала хромать. В первой же деревне устроим ночлег. Хочу выспаться на хорошей и мягкой постели... Заодно напишу первому консулу о наших делах в Тироле.

Деревня была богатой, чисто выметенной, улица вымощена, как в городе, для Моро отвели каменный дом. Молодая хозяйка с ворохом бус на шее проколохла перед генералом «колоколом» пышной тирольской юбки. Настала ночь.

– Вы долго будете еще писать?

– Нет, фрейлейн. Я разве мешаю?

– Мне все равно, – безразлично отвечала она...

Решительно раздевшись, женщина легла в постель. Моро перечитал письмо к Бонапарту: «Мы тут с Краем играем в

жмурки (nous ta[^]tonnos), он с целью держаться при Ульме, я – чтобы удалить его оттуда... теперь я принудил противника отодвинуться к Тиролю, стало быть, он уже не опасен. Что можно сделать еще в вашу пользу?..» Крестьянка терпеливо ожидала его на громадной постели – молодая, здоровущая, доступная, как вода из вечной реки человеческой жизни.

– Ну, ладно, – сказал ей Моро, – а где твой жених?

– Он капралом в крепости Ульма.

– Если так, чего ты развалилась передо мною?

Ответ крестьянки отражал историю всей Европы:

– Сколько веков все армии шляются через нашу деревню, а для женщин все кончается одинаково. Так лучше с одним генералом, нежели тебя завалят в хлеву десять солдат.

Моро обмакнул перо в чернила, выделив фразу о том, что не берет контрибуций с Баварии, Вюртемберга и Франконии, дабы не возмущать жителей насилем. Задумался.

– А разве тебе не стыдно? – спросил он.

– Так поступала прапрабабка при ландскнехтах герцога Валленштейна, ложилась прабабка при походах великого Тюренна. Зато из наших сундуков не тягали приданое.

– Ах, сундуки! – догадался Моро. – Но я не Валленштейн, даже не Тюренн, и веду за собой не шайки разбойников... Ты лучше встань и сочини письмо для своего жениха. Когда я возьму Ульм, я сыщу его среди пленных, пусть радуется...

Только теперь женщина разрыдалась, и эти рыдания тоже были отголосками проклятой европейской истории. Утром,

застенчивая, она принесла ему вино, сыр и хлеб с тмином. К завтраку пришли Ней и Лагори, генералы долго жевали молча.

– *Дурак!* – вдруг четко произнес Моро.

Ней, поднимая кубок с вином, захохотал:

– Ага! Теперь жалеешь, что спал один...

– Нет. Я вспомнил этого венского ротмистра. Поверьте, мне было противно рубить его, дурака. Но я озверел! Это бывает со мною не часто, но иногда все же бывает...

.....

Доминик Рапатель вернулся из Парижа с новостью:

– Первый консул – кто бы поверил? – виделся с Жоржем Кадудалем, он предлагал ему сразу чин генерала, если Кадудаль погасит пожары «шуанерии» в бунтующей Вандее.

– Бонапарта можно уважать, – рассудил Моро. – Он не побоялся, что Кадудаль задушит его в кабинете Тюильри, а кулаки у этого мужлана величиной с мою голову.

Рапатель сказал: Кадудаль шел на свидание, уверенный, что 18 брюмера Бонапарт для того и захватил власть над Францией, чтобы вскоре передать ее Бурбонам.

– Когда же понял, что Бонапарт далек от этого, тогда они разлаялись, как собаки, и Кадудаль, сильно рассерженный, снова убрался в леса и болота Вандеи.

– Он еще натворит бед, – заметил Лагори...

Барон Край все время подбрасывал в штаб Моро ложную информацию о разгроме в Италии армии Бертье – Бона-

парта, желая вынудить французов к отходу. Рейнская армия дважды форсировала Дунай, расчлняя коммуникации между Ульмом и Веною, – в искусстве маневра Моро оставался непревзойденным мастером, как и знаменитый Филидор в шахматах. Наконец Край убедился, что Моро не отстанет от него подобру-поздорову, и прислал в лагерь французов своего адъютанта:

– Фельдмаршал Край фон Крайов предлагает вам встречу в деревне Парсдорф под Мюнхеном, дабы предложить конвенцию о перемирии, схожую с той, какую фельдмаршал Мелас заключил с Бонапартом в итальянской Алессандрии.

Моро, как и вся его армия, еще не знал о битве при Маренго, в предложении противника он усмотрел ловушку.

– Возвращайтесь обратно, – сказал Моро. – Я согласен на встречу в Парсдорфе, когда этого пожелаю я сам... Прелиминарии подпишу лишь в том случае, если ваш фельдмаршал передаст мне крепости на Дунае вместе с Ульмом, дабы их обладание мною послужило гарантом для перемирия.

– Это слишком жестоко, – сказал адъютант.

– Но это же война... не я ее придумал!

Отзвуки ликования в Париже наконец докатились до германских деревень, и 15 июля Моро, прихватив с собой Декана и Лагори, встретился с фельдмаршалом Краем в Парсдорфе. У бедного старика подрагивали пальцы, глаза слезились.

– Венский гофкригсрат признал мои воинские таланты гораздо выше суворовских, и мне, не скрою, не хотелось бы

шагать под суд военного трибунала... Декан, это вы взяли Мюнхен?

– Да, ваша честь. Но к пиву я равнодушен.

– Знаю вас... пьяниц. Моро, сколько вам лет?

– Тридцать семь, ваша честь.

– Странно! Я смолоду сражался с Фридрихом Великим, но в ваши годы едва вытянул до полковника... Не было ли у вас дядюшки-палача в революционном Конвенте?

Лагори в ярости треснул кулаком по столу:

– К делу! Мы собрались здесь не для ругани...

Край, подписав перемирие, зашвырнул перо в угол.

– Я ратифицировал свой позор в истории... И пусть я унижен, – заплакал Край, – но умру с неколебимой верою в то, что великая Римско-Германская империя – под эгидою венских Габсбургов! – не сейчас, так позже разрушит ваше мнимое республиканское могущество... Прощайте!

– *Suum cuique*... прощайте, – ответил Моро.

Он приехал в Париж – тихо и незаметно. Все внимание парижан было приковано к Италии, о войне на Рейне и Дунае не поминали. С конвенцией Парсдорфского перемирия генерал навестил Талейрана, который даже не глянул на подписи.

– Место для нее подле Александрийской, – сказал он, хлопывая бювар. – Пусть вас не смущает отсутствие овец. Тут столь много кричали во славу Маренго, что вконец охрипли, и для генерала Моро осталось одно шипение. Хо-

чу преподать дружеский совет. Ваши бюллетени чрезмерно скромны. Изучите технику их составления по отчетам Бонапарта, который не стыдится признать свой гений. В наше время скромность – удел посредственных дарований. Я не желал обидеть вас, но, извините, так уж складывается жизнь. Успеха в ней достигает только тот, кто показывает пальцем на себя.

Моро спросил, виден ли конец войне?

– Венский кабинет связан союзом с Лондоном, и Францу не выбраться из войны, не получив прежде на это согласия кабинета сент-жемского. Чтобы в венском Шенбруне образумились, вашей армии предстоит нанести Австрии очень сильное поражение. – На прощание Талейран произнес очень странные слова: – Хотя первый консул из шестидесяти трех газет Парижа оставил лишь тринадцать, вы все-таки поройтесь в этом навозе, в котором иногда попадаются жемчужные зерна...

«К чему это предупреждение?» Моро отправился к себе на улицу Анжу, где его навестил тихий, бледный Фуше.

– Если у тебя есть матримониальные планы, – намекнул он, – ускорь события. Это говорит тебе друг, который знает больше того, нежели смеет сказать...

Фуше не был другом Моро, но Моро не возражал, когда Фуше называл себя его другом. Их «дружба» началась в Италии, куда Фуше поставлял для армии шинели, служившие солдатам одну неделю, и башмаки, служившие с утра до ве-

вчера.

– Что еще ты можешь сказать? – спросил Моро.

– Бонапарт вызывает из Милана певицу Грассини.

– Думаю, Жозефина не взовьется под облака от восторга.

Говорят, она стала очень ревнива.

– Ревность не мешает ей желать наследника – от любой женщины, пусть даже от собственной дочери, Гортензии Богарне, лишь бы утешить отцовские чувства Бонапарта... Кстати, Моро, – вдруг спросил Фуше, – эти подлые роялисты не пытались связываться с тобою... из Лондона?

Более того, что ответит Моро, говорить нельзя, ибо Фуше обладал особой разновидностью эгоизма – политическо-го: для него хороша любая политика, которая хороша для него. Сейчас, очевидно, Фуше было бы выгодно признание Моро.

– Нет, – сказал Моро, – такого не припомню.

– Я так и думал, – просиял Фуше, – ни граф Артуа, ни принц Конде из Лондона тебя еще не тревожили.

Упомянув только Лондон, он оставил Митаву (а значит, и мадам Блондель!) в глубокой тени, но Моро все равно испытал чувство неосознанной тревоги. Он поспешил переменить тему разговора.

– Меня тревожат слухи об отставке Карно.

– Господин Карно умный человек, но он напрасно полагает, что Франция при Бонапарте на гибельном пути...

Моро еще не совместил в своем сознании двух наме-

ков, сделанных ему Талейраном и Фуше, но скоро все выяснилось. Ему надо было лишь помнить: истина, пусть даже немислимая, откроется на страницах «Монитора». Но в любом случае всадник должен оставаться спокойным!

.....

Во время приемов, чтобы не путаться в именах, Бонапарт называл людей по их мундирам: «Здравствуйте, господин сенатор» – и не ошибался. Но консул иногда попадал впросак с людьми, мундиров не носивших. Однажды в Тюильри он восторженно встретил академика Амельона:

– Мне приятно видеть вас, Ансильон.

– Простите, я не Ансильон – Амельон.

– Да, да, Амельон! Я вас хорошо знаю. Вы продолжили римскую историю Лебона, достойную общего внимания.

– Не Лебона – Лебо, господин консул.

– Именно Лебо, я так и сказал. И вы продлили его хронику до падения Константинополя под ударами аравитян.

– Не аравитян – турок.

– Правильно, Амельон! Турок я и имел в виду...

Моро представлялся Бонапарту в группе других генералов, но командующего Рейнской армией консул сразу увел в свой кабинет. Масляные лампы инженера Карсея, снабженные часовым регулятором, давали ровный устойчивый свет.

– Я знаю, о чем ты подумал, входя сюда: да, в Тюильри легко въехать, но трудно в нем удержаться... Успокойся, Моро, я остаюсь прежним республиканцем и указал, чтобы ко-

ролевский дворец назывался «Дворцом Правительства».

Он усадил Моро, а сам продолжал стоять.

– Ты слышал о моей встрече с Кадудалем? Я слово сдержал: позволил ему скрыться, не преследуя его. Но из лесов Вандеи Жорж перебрался в Лондон, где в его честь дан банкет русским послом Семеном Воронцовым... Там собирается неплохая шайка бандитов – Жорж Кадудаль и Пишегрю!

Упоминание о Пишегрю было для Моро неприятно, а первый консул сознательно выжидал от Моро реакции.

– Мне возвращаться на Дунай? – спросил Моро.

– Сейчас в Люневиле мой брат Жозеф уже стряпает мир с Австрией. Если политика венского кабинета увязнет в пышных тирадах и остроумных репликах, Парсдорфское перемирие станет пустой бумажкой, и ты снова скрестишь оружие. – Бонапарт сознался, что сейчас его тревожат два насущных вопроса. Первый: выдержит ли осаду Мальта? Второй: кого поставит Вена на место старого дурака Края? Ни маршала Монтеккукули, ни принца Евгения Савойского на берегах Дуная не видится. – Я согласен гадать на картах: какую же шваль вытащит император Франц из своих затхлых кладовок?

Моро ответил, что без мира с Англией невозможно спасти остатки Египетской армии, на это Бонапарт сказал:

– Я и сам бы хотел избавить Средиземное море от эскадры Нельсона, чтобы она не торчала у Мальты и не мешала эвакуации армии из Египта... Что говорил тебе Талейран?

Моро домыслил будущее мира за Галейрана:

– Вынудив Австрию к миру, мы оставим Англию без союзников на континенте... Следовательно, – завершил беседу Моро, – я должен быть на Дунае! Независимо от болтовни в Люневиле нам следует снимать с петель ворота Вены, и тогда сами по себе откроются ворота для мира Европы...

Бонапарт пружинисто покачался на носках сапожек.

– Сейчас мы вернемся в зал, у меня есть для тебя подарок. А в среду я жду тебя в Мальмезоне...

Бонапарт (сам полководец!) не мог не понимать, что победою при Маренго он обязан Моро, который, пожертвовав своими успехами, прикрыл его Итальянскую армию с фланга. В окружении генералов и придворных первый консул торжественно объявил о заслугах Моро перед республикой. Моро вручили богатый футляр, в котором на розовом муаре лежали превосходные пистолеты, украшенные бриллиантами.

– Ты достоин и большего! – сказал Бонапарт. – К сожалению, республика еще не терпит блеска орденов и пышности эполет. Так пусть всегда сверкает твое оружие, как и твои замечательные победы на Рейне и на Дунае.

Вскинув руку, он дернул Моро за мочку уха.

– Итак, в Мальмезоне, – напомнил консул...

Рапатель ожидал Моро с новостью:

– Странно, что в Тюильри ничего не знают. А в Париже даже на улицах говорят, что гарнизон Мальты, изнуренный голодом, уже капитулировал... Если это правда, то никогда

Франция не останется в мире с Англией.

– Наверное, слухи, – не поверил Моро...

Рука и сердце его еще оставались свободны. Конечно, он повидал Александрину в пансионе, но событий не ускорил. А задержка с наступлением генерала стала беспокоить мадам Гюлло. Желая обострить любовный кризис, эта опытная дама начала откровенно торговать прелестями дочери:

– Моему зятю (каков бы он ни был!) достанется сокровище. У моей дочери аристократическая ножка. Под подъемом ее ступни свободно пролезает маленький котенок. А кожа такая, что в десяти шагах на ее фоне невозможно различить ожерелье из жемчуга... Любой зять будет счастлив!

Моро не спешил заковывать себя в цепи Гименея.

– Мадам, я могу только завидовать этому счастливцу... Увы, меня сдерживает предстоящая кампания на Дунае.

– Так сколько же можно сдерживаться? – вспыхнула мадам Гюлло. – Сдерживались на Рейне, сдерживаетесь на Дунае, затем будет Одер и Висла, и так доберетесь до Волги...

События ускорил визит в Мальмезон. Отчасти предупрежденный Фуше и Талейраном, генерал, однако, не думал, что все будет построено столь бестактно и даже авантюрно, с таким грубым нажимом на его честь. Талейран правильно подметил, что число газет во Франции сокращалось, всю прессу Бонапарт желал бы свести к единственной газетке, но и эта газета, по его мнению, не должна превышать размера носового платка. Парижская «Монитор», какие бы она ни по-

лучала оплеухи от цензоров, все-таки устояла на ногах. Конечно, парижане знали: «Монитор» вещала миру лишь слова консула...

Приехав в Мальмезон, Моро задержался в приемной, пока лакеи не доложат о нем. В самом углу комнаты стояли напольные часы с громадным маятником. Поверх часов лежал свежий номер «Монитора», развернутый таким образом, что не заметить было просто невозможно. Моро взял газету, и в глаза сразу бросилась фраза: «СЛУХИ ПАРИЖА: наш славный генерал Моро сделал брачное предложение прекрасной Гортензии Богарне...»

В этот же момент вошел Бонапарт. Оба молчали.

Моро положил газету. Бонапарт схватил ее.

– О! – сказал он, будто не веря своим глазам. – Новость интересная. Если это не газетная утка... поздравляю!

За столом он сразу обратился к Жозефине:

– Смотри! Оказывается, мы даже не заметили, когда этот генерал успел покорить нашу Гортензию...

Корсиканское либретто было составлено заранее, и Жозефине оставалось лишь развить его генеральную тему:

– Лучшие генералы Франции – Мюрат, Леклерк и... даже Бернадот уже породнились с нами. Мы с душевной радостью примем в нашу семью и знаменитого генерала Моро!

– Учти, дружище, – сказал Бонапарт, снова потянув Моро за пылающую от гнева мочку его уха. – Мы, корсиканцы, люди старинных понятий. Для нас нет ничего выше чести

семейного клана, мы, корсиканцы, свято бережем семейные узы. Я могу наорать на Леклерка, могу треснуть Мюрата коленом под зад, но они всегда знают, что со мной не пропадут.

– В этом не сомневаюсь, – ответил Моро. – Но из моей памяти время еще не выветрило Жубера с его кратким, как молния, семейным счастьем. Боюсь, как бы и мне на полном скаку лошади не вылететь из седла под шелест знамен...

Пистолеты с бриллиантами и семейные узы – звенья одной цепи: Бонапарту желалось сделать из Моро родственника, чтобы раз и навсегда подчинить его себе. После ужина беседа была продолжена, но уже без Жозефины, чего, кажется, хотел и сам Бонапарт, чтобы вести разговор с мужской откровенностью. Странно, что он, отличный психолог, еще не ощутил внутреннего, но яростного сопротивления Моро.

– Так ты войдешь в нашу семью? – спросил он.

Моро раскурил трубку от свечи. Сказал:

– Твоя падчерица, и об этом в Париже знают, страстно влюблена в твоего красивого адъютанта Дюрока.

– Мы же не дети! Если Дюрок тебе мешает, я завтра же пошлю его в Петербург с мальтийской шпагой для Павла, и, пока он там развлекается, Гортензия забудет его.

– Мне мешают еще два обстоятельства.

– Назови их. Все они легко устранимы.

– Не все! – сказал Моро. – Разве можно устранить то, что Гортензия Богарне – твоя падчерица и твоя же любовница? Об этом казусе много разговоров в Париже.

Бонапарт нисколько не смутился:

– Ну, это сплетня... стоит ли верить?

– Наконец, и второе обстоятельство: я обещал мадам Гюлло сегодня же быть у нее с предложением руки и сердца ее дочери Александрине...

Моро повел себя далее в том же духе, как когда-то Жубер со своей женьбой. Он заявил будущей теще:

– Я настаиваю лишь на том, чтобы Александрина завтра же стала моей женой... Теперь не церковные времена, а гражданский брак при свидетелях займет минуты две-три, не больше. Поверьте, Парсдорфское перемирие близится к окончанию, и сейчас не время обсуждать брачные туалеты...

Вернувшись к себе, Моро сказал Рапателю:

– Завтра ты и генерал Лагори станете свидетелями моего брака... Нет, я не Бернадот, который больше всех кричит о правах народа, а сам исподтишка лезет в постель Дезире Клари, нагретую для него самим Бонапартом...

Даже покойный Жубер мог бы позавидовать той скорости брачного маневра, какой произвел Моро! Но с этого времени Бонапарт обращался к нему только на «вы»...

.....

Лазар Карно, покидая пост военного министра, был назначен в сенаторы. Он всюду откровенно взывал:

– Пока не поздно, генерал Моро должен заменить генерала Бонапарта на его посту первого консула республики... Вы спрашиваете – почему? Я вам отвечаю: республикой должен

управлять республиканец, каковым Моро и является.

Тогда же Карно писал: «Моро – единственный сейчас человек во всей Франции, способный стать во главе дела». 11 ноября 1800 года Париж объявил о разрыве Парсдорфского перемирия, и Моро отъезжал к Дунаю – для открытия боевых действий. Его мучила, его терзала необъяснимая тревога:

– Черт побери, все-все... все как у Жубера!

Но всадник в бою должен оставаться спокойным.

10. Его звездный час

Александрина (уже на правах жены) невозмутимо наблюдала, как ее муж с Рапателем укладывают вещи в походные кофры.

– Вы чем-то огорчены, мой друг? Вы озабочены?

Ну, как объяснить этому наивному созданию всю ответственность, которая тяжкими гирями налегла на плечи? Моро сказал, что в битве на Дунае решится очень многое:

– Мир так устроен, моя прелесть: у каждого человека бывает свой звездный час. Писатель в такие часы создает бессмертную книгу, живописец дарит шедевр, полководец выигрывает грандиозную битву, – без этого никто из них не получает матрикул для вхождения в Пантеон бессмертия...

За ним числилось немало побед. Каждая из них была замечательна для своего дня. Но в биографии Моро отсутствовала та роковая битва, память о которой отложится на полках Мировой Истории, о которой будут писать в школьных учебниках. Настал политический момент, когда от его успеха (или от неудачи) на Дунае зависело – быть ли миру в Европе?

– Пойми, – говорил он жене, – если я сейчас разобью Австрию, Англия тоже будет вынуждена пойти на мир...

Александрина провожала мужа до первой заставы. Моро дернул шнур сигнального звонка, чтобы кучер задержал ло-

шадей. Супруги вышли из кареты. Над Францией пролегла черная-черная, но звездная ночь. Было тихо. Страшно тихо.

– Мне холодно, Моро, – сказала жена, прильнув к нему; трогательная в своей нежности, Александрина отыскала на самом краю небосвода трепетную звезду. – Она моя... и такая же маленькая и беззащитная, как я!

Моро широким плащом опахнул ее слабые плечи.

Его рука в боевой перчатке вскинулась кверху:

– А вот и моя... та, что отсвечивает кровью.

– Назови мне ее, Моро.

– Это огонь войны, это бранный Марс...

.....

Если война есть логическое продолжение политики, только иными средствами (это не мои слова – Клаузевица), то генеральная битва – спрессованный сгусток политики, когда в кратчайшее время, иногда в считанные минуты, разрешаются мучительные проблемы, затянувшиеся в кругу дипломатов на целые столетия... Карета командующего Рейнской армией остановилась возле древней ратуши Страсбурга, засуетились лакеи, вспыхнули факелы, пламя осветило фигуры конвойных драгун, поникших от безмерной усталости; из их седельных кобур торчали рукояти заряженных пистолетов.

Виктор Лагори встретил его у крыльца ратуши.

– Какие новости? – спросил Моро на лестнице.

– Командующим Дунайской армией Вена назначила эрцгерцога Иоанна, отпрыска Леопольда Габсбургского.

– Победы за ним числятся?

– Никаких.

– Поражения?

– Он еще небитый.

Ковер на ступеньках глушил тяжелую поступь ботфортов.

– Кто его менторы? – спросил Моро.

– Герлонд, Буржуа, Лауэр.

– Я их не знаю. Сколько лет герцогу?

– Восемнадцать.

– Кто шутит? Ты или Вена? – рассмеялся Моро.

Он стронул в поход свою армию, ее сопровождали шорники, хлебопеки, кузнецы, коновалы, интенданты, чиновники, маркитантки и, наконец, просто приبلудные шлюхи, от которых было не отвязаться, даже если остричь им волосы. Предзимние дожди обмывали громадные валуны, переплетенные вереском, по ночам фыркали в лесах дикие кабаны. Моро ехал на лошади, иногда его окликали дружеские голоса солдат-ветеранов:

– Моро, правда ли, что ты женился?

– Да, на вдове... Жубера! А как твои дела, Питуэ?

– Моя убежала с лудильщиком. Конечно, с кастрюль прибыли вернее. А что возьмешь с меня, топающего за тобою?

– Не горюй, Питуэ! Бывает и хуже...

Армию сопровождали собаки: испанские спаниели с добрыми глазами, могучие канадские ньюфаундленды, умные и преданные пудели, разделявшие судьбу хозяев. Дожди всем

надоели... Возле сельской мельницы драгун Бертуа громадной перчаткой хлестал по лицу жену мельника, и она взывала к своему мужу, чтобы скорее пришел на помощь:

– Михель, Михель... меня бьют! Где ты, Михель?

Моро надвинул на драгуна свою тяжелую лошадь:

– У тебя серьезные причины, Бертуа?

– Еще бы! Эта баба оплевала меня.

– Так плюнь в нее сам и не задерживайся...

Вдали затихали вопли разъяренной мельничихи:

– Проклятые французы... убийцы короля! Все вы сдохнете. Будь проклята вся ваша латинская раса!

Доминик Рапатель уютно покачивался в седле, его длинная сабля мелодично позванивала, задевая шпору:

– Ах, чего только не наслушаешься в этих походах! Если все запоминать, можно сойти с ума. Но если все записывать, то можно стать новоявленным Фукидидом...

За Мюнхеном дороги выводили армию к сердцу Габсбургов – к Вене, ослепительной и злочной, как хороший кабак. Но все случилось иначе, нежели думал Моро. В конце ноября эрцгерцог Иоанн – этот мальчик! – искусным маневром протиснул свою гигантскую армию между реками Инн и Изар, обрушив нежданно мощный удар на левое крыло французов.

Это произошло возле деревни Ампфинг.

– И французы побежали, – доложил Лагори. – Гренье еще выпутывает свою дивизию, но крови уже хватает...

Моро срочно выехал в местечко Анциг: на широкой крестьянской скамье перед ним сидели ждущие расправы генералы.

– Ней, Легран, Гренье... Очевидно, – сказал им Моро, – вам просто не повезло. Иоанн умный ребенок, и, если Вена не вывихнет ему мозги, из него со временем получится хороший скандалист. Рапатель! Достань корзину сырых яиц. Нам предстоит много орать, не мешает заранее смазать глотки...

Мишель Ней отказался пить сырые яйца:

– Мне бы чего-либо покрепче, Моро.

– Выпей, Мишель. Сейчас я отодвину армию.

– Ты знаешь, куда этот табор двигать?

– Назад! Есть одна хорошая поляна у Гогенлиндена, мне очень не хватает воздушного шара для слежения за Иоанном...

Австрийцы, упоенные успехом при Ампфинге, радовались, что генерал Моро отступает, – на самом же деле он завлекал их в глубину Эбергсбергских лесов, давно ему знакомых, на равнину близ селения ГОГЕНЛИНДЕН, где в буреломах, пронизанных быстрыми ручьями, догнивали столетние дубы. Из шапок ветеранов торчали оловянные ложки, готовые окунуться в любой котел... Вечно несытые, они мрачно ворчали:

– Куда нас тащат? Мы переломаем все ноги.

– Не мы, а кавалерия эрцгерцога.

– Если Моро ищет позицию пострашнее, так он уже нашел

ее в этом лесу, где не хватает только патлатой ведьмы...

Тропы заросли хмелем, сырость пропитала ранцы солдат, покрытые грубым мехом. С высоты седел молодые гусары высокомерно поглядывали вниз – на усатых «ворчунов», бредущих по грязи. Мокрые косы, плетками свисая из-под киверов, ритмично хлестали гусар по давно не мытым щекам.

В доме лесника Моро собрал генералитет. Назвав себя, генералы отступали в тень, опираясь на шпаги, палаши и сабли. Над картою Эбергсбергских лесов склонился Моро.

– Я не утверждаю, – сказал он, – что отечество в опасности. Мы ведем войну на чужой земле, мы едим чужой хлеб, наша кавалерия пожирает овес с чужих полей. Но судьба мира должна завтра решиться именно здесь, у Гогенлиндена. Я не требую от вас невозможного, но возможное прошу исполнить.

Среди ночи он разбудил Поля Гренье:

– Слушай! Эскадроны Груши я оставляю у Гогенлиндена, вели седлать свою кавалерию. Австрийцы уже близко. Я слышу в лесу их крики. Собаки беспокойны. Одна из колонн Иоанна обходит нас от Майтенбеттенского шоссе. Ударь по ней, Гренье! Сделай все, чтобы эта колонна была сразу потеряна для эрцгерцога. Помни – твое направление главное... главное!

Рассветало. Гренье выстроил эскадроны:

– Кто сегодня останется живым, тот не гусар, а вонючее

дерьмо... Рысью – в галоп, марш-марш-марш!

Уже стало видно, как из Гогенлиндена гнали стадо баранов, и Моро велел Рапателю сказать наперехват:

– Быстро заверни все стадо за опушку леса. Я сам расплачусь с жителями, нам после боя потребуется много мяса.

– На ужин – баранина! – пронеслось над армией, и то, что он, командующий, уже точно определил вечернее меню, вселяло уверенность в исходе битвы.

Собаки стервенели от лая, крики австрийцев приближались. В восемь часов утра эрцгерцог Иоанн выкатил армию из гущи Эбергсбергских лесов, и австрийцы сразу наткнулись на прочную позицию Моро, глядящую на них пушечными жерлами. Легкий туман струился между фронтами противников, в порыжевшей осоке вскрикивали испуганные птицы. И тут Моро вспомнил, что вчера за картами подрались два генерала.

– Ришпанс, – сказал Моро, – помиритесь с Неем.

– Лучше сдохну, – отвечал гордый Ришпанс.

– Ней, – сказал Моро, – помирись с Ришпансом.

– Пошел он к чертовой матери...

Пушки заработали. Пустили в дело инфантерию.

Офицеры дубасили отстающих саблями плашмя. Кто ложился, того сразу пристреливали из пистолетов в спину, – все было так, как было всегда, и ничего нового в этом не было. Моро отослал эскадроны Ришпанса в обход фланга, предупредив, что его направление главное. Самое главное!

– Рапатель, где Ней? Давай сюда Нея.

Он указал Нею начинать движение дивизией в обход другого фланга австрийцев. Ней насторожился, спрашивая: где это сцепились?

– Это дерется Гренье, я желаю тебе в конце боя пожать руку Ришпансу, который заходит слева... Не дури, Ней! И помни – твоё направление главное. Самое главное. Ней, иди... Декан, что ты торчишь за моей спиной, как Фемида?

– А где мне еще торчать? Я жду приказа.

Декан что-то еще дожевывал, его лошадь, выдрессированная лягать всех, кто приблизится, пугала Моро копытами.

– Слушай, обжора! – крикнул Моро издали. – Есть одна тропа, о которой знают только звери, ходящие по ней к водою. На картах она не значится. Этой тропой выходи к шоссе, но с другой стороны Майтенбеттена, и тресни австрийцев по затылку, чтобы у них кивера посыпались... Помни, Декан: твоё направление главное, самое главное!

Рapatель крутился перед Моро на лошади:

– Все главные направления вы раздали своим генералам, а что же, черт побери, останется для командующего?

– У меня останется мой верный адъютант...

Пушки уже насытили воздух серой золой, пугливые лошади вставали на дыбы, молотя в едком дыму передними копытами. Из леса выползали раненые, они спрашивали – где фургоны с хирургами? Моро заметил солдата, у которого штук, словно турецкий ятаган, уже согнулся в рукопашной.

– Питуэ! – позвал его Моро. – И ты? И тебя?

– И меня тоже... Прикладом – все зубы. Всмятку!

– Есть бутылка бордоского... дать?

– Дай, Моро... мне сейчас паршиво!

Кавалерия выходила из боя с размятыми киверами, от гордых султанов остались жалкие перья. Страдая от боли, люди рвали на себе ремни амуниции, и кожа лопалась, как бумага. Все было, как всегда, и ничего нового Моро не наблюдал. Гусары возвращались из атак без лошадей, их головы были замотаны рубашками. На вопросы генерала они отвечали:

– Мы с шоссе... там уже навалили... гору!

– Как держатся австрийцы? – спрашивал Моро.

– Их полон лес, но разбегаются... Мародеры из деревень уже пошли с мешками, всех подряд раздевают догола.

Лагори вырос из-за плеча Рапателя, строгий:

– Моро, за Анцигом у нас не все ладится.

– Я чувствую. Скомандуй драгунам – марш...

Фаланга кавалерии пошла в бой, гневно выкрикивая:

– Да здравствует Франция... честь, слава!

Впереди мчался юный полковник с трубкой в зубах.

– Заставлю плакать венских дам! – орал он.

– Глупец, – сказал Моро. – С трубкой и без оружия?

– А, ему плевать... тут все равно не выживешь!

Болезненно напрягая слух, Моро с Лагори пытались определить источники боевого шума, дабы распознать лабирин-

ты движения колонн, эпицентры атак и взлаи собачьих свор, следующих за колоннами, – так, наверное, дирижеры в оглушительном реве оркестров улавливают отдельные звучащие мелодии. Неожиданно повалил мокрый снег. Со сбитыми на живот седлами из леса выбежали ржущие от ужаса кони – без всадников.

– Лагори, – сказал Моро, – надо обуздать мародеров. Если они сейчас разденут раненых, бедняги замерзнут. Пошли в лес солдат – пусть расстреляют всех, кто с мешками...

Лошадь вынесла из гущи боя драгуна Бертуа, нога которого застряла в стремях, и Бертуа бился головой о кочки и лесные коряги. Моро кинулся наперерез взбесившейся лошади, ударил ее кулаком в глаз, освободил ногу драгуна, потащил его в санитарный фургон.

– Бертуа, милый, – говорил он, – потерпи... еще немного. Терпи, друг, терпи. Мы побеждаем. Ты будешь жить...

В тылу эрцгерцога Иоанна возникла сильная пальба, над лесом взметнулись огненные дуги, – это дивизии Нея и Ришпанса сомкнули свои ряды среди павших и побежденных.

– Вот теперь они помирятся, – сказал Моро.

– Или опять подерутся, – отвечал Лагори...

Лай собак в лесу утихал. Трубачи эрцгерцога уже играли общее отступление – обратно, через колдовские чащобы, к нерушимым дунайским мостам. Молодой еще человек, Иоанн был недурно воспитан своими менторами. Он указал:

– Во что бы то ни стало необходимо спасти раненых. Грех

падет на мою душу, если оставим их под снегопадом.

Юноше отвечали, что лазаретных лошадей нет:

– Остались одни першероны, впряженные в пушки.

– Берите лошадей артиллерийских.

– Как? Тогда наши пушки достанутся французам.

– Да, но люди дороже бронзы...

Рапатель доложил, что эрцгерцог Иоанн поступил благородно, бросив на поле боя 87 орудий – ради спасения несчастных. Моро дал ответ, вошедший в историю гуманизма:

– В эти пушки запрягите наших лошадей и отправьте их Иоанну, чтобы французы разделили великодушные противника...

.....

Уроки Талейрана не пошли впрок: Моро очень кратко изложил в бюллетене для Парижа известие о победе, как о самом рядовом столкновении с противником. Зато его армия солдатским инстинктом уже оценила значимость битвы при Гогенлиндене, она пожелала устроить в честь Моро иллюминацию, чтобы в пышном венке красовалось его краткое имя.

– Мои убеждения республиканца, – с гневом возражал Моро, – не позволяют мне принимать восхвалений лично себе. Будет лучше, если я завтра сам поздравлю всех!

Вдоль шоссе выстроились полки. Моро им сказал:

– Как солдат не забывает цвет мундира, который носил на себе, так и мы, граждане и солдаты Французской республи-

ки, не забудем день Гогенлиндена! Благодарю вас...

Вверх взлетали раскромсанные каски, иссеченные кивера и простреленные шапки из звериных шкур:

– Слава Моро... Да здравствует наша республика!

Это был его звездный час – уже неповторимый...

Рейнская армия преследовала австрийскую, всюду разбивая ее на маршах. Наконец завиднелись и венские пригороды – до столицы Габсбургов оставался один суточный переход. Из ножен вылетели сабли, торжествуя в салютах.

– Ура! Завтра мы уже пируем во дворцах Шенбрунна... будем гулять по Пратеру с венскими красотками...

Но здесь армия и была остановлена Бонапартом, который не мог вынести, чтобы вступление Моро в Вену затмило его славу победителя при Маренго. Очень сухо он указал с курьерскою почтой, что Франции необходим мир. Только мир... И напрасно генералы умоляли Моро сделать последний рывок к столице врага – Моро бестрепетно подчинился приказу:

– Подавим в себе низменные порывы честолюбия. Мир для народа Франции сейчас важнее новых триумфов...

...Французские историки с горечью писали об этих забываемых днях: «Победа при Гогенлиндене была последней республиканской победой. *Никогда* большие Франция не видела такой скромности в своих военачальниках, такой почтительной преданности со стороны солдат, таких трогательных проявлений патриотизма...» Дребезжа на зимних уха-

бах стеклами, карета увозила Моро в древний уют тишайшего Страсбурга, где его ожидала Александрина и новый, 1801 год. Моро чувствовал себя хорошо: Рейн оставался естественным рубежом Франции. И пока Моро едет, маховые колеса истории вращаются гораздо быстрее, нежели колеса его расхлябанной кареты.

11. Обострение

Падение Мальты привело Бонапарта в уныние:

– У меня гадкое состояние, Бертье! Мне было бы легче, кажется, видеть англичан на высотах Монмартра, нежели знать, что они торчат в Ла-Валлетте... Нельсон убрался из Неаполя, но – куда? Лучше спихнуть мальтийские дела на Павла, и пусть он сам разбирается с англичанами.

– А нам уже пора убрать Массена из Италии, где он слишком увлекся «собираанием подарков от благодарного населения».

– Да, Бертье! Массена с его наклонностями вскоре понадобится нам в иной части света, совсем в иной...

Бонапарт не скрыл от общества большие успехи Рейнской армии, личными письмами поздравил Ожеро и других генералов – только не главнокомандующего! Увы, битва при Гогенлиндене стала поводом для глупейшего скандала, в котором, к счастью, не были замешаны ни генерал Моро, ни сам первый консул. Тщеславной теще взбрело в голову, что лавры зятя обязывают Жозефину немедленно принести ей личные поздравления. Не дождавшись Жозефины у себя дома, она сама поехала в Мальмезон, уже распаленная гневом несправедливым. Мадам Гюлло прихватила и дочку, но Жозефина, как на грех, в это время принимала ванну: через лакея она просила гостей подождать, пока она приведет себя в

порядок. Для тещи это промедление послужило сигнальным выстрелом из пушки:

– Как? Мы, Гюлло, должны ждать, пока она моется?

Забрав пристыженную Александрина, она в ярости покинула Мальмезон и теперь по всему Парижу трезвонила:

– Мы, Гюлло с острова Бурбон, ничуть не хуже этой креолки с Мартиники... Не такая уж она святая, какой притворяется. Мы, Гюлло, по тюрьмам не сидели, а она уже насиделась. Все знают, как она надоела Баррасу, который, чтобы от нее отвязаться, и устроил партию с этим корсиканским прощельгой. У нее тогда было всего шесть драных юбок, а перчатки она одолжила у Терезы Тальен... Про мою Александрина никто не скажет дурного. Бонапарты хотели бы сбить Гортензию за моего зятя, но у них ничего не вышло!

Моро приехал в Страсбург, и ему было явно не по себе, когда при жене он обнаружил и тещу. Она стала учить зятя, как лучше действовать, чтобы эти жалкие Бонапарты и Богарне вели себя поскромнее. Моро признался Декану:

– Уверен, вся эта возня с ванной не могла бы возникнуть, если бы Жозефина и мои Гюлло не были креолками. Этот шальной народец всегда вносит в отношения столько страсти и пыла, что мне кажется, легче остричь догола дикую кошку, нежели примирить их... Я целиком на стороне Жозефины!

На тещу он просто цыкнул:

– В чем провинилась гражданка Бонапарт? Только в том, что, не ожидая вас, забралась в ванну, а когда вы явились,

она не выскочила из воды нагишом, чтобы скорее перед вами раскланяться! То, что в порядке вещей для нравов колоний, в Париже выглядит смешным и нелепым...

Возникла семейная сцена – с заламыванием рук, с призывами всевышних сил в свидетели. Александрина надула губы, и без того распухшие от слез, а Моро впервые заметил в ее лице наследие грехов предков – что-то негритянское. Жена еще не забыла уроков мадам Кампан и, подавая мужу бульон, выкладывала поверх чашки изящную гирлянду из живых фиалок. Сначала Моро умилялся, потом ему надоело выплевывать лепестки, попавшие в рот вместе с бульоном.

– Не сердись, дорогая, – сказал он. – Мне очень приятна забота обо мне, но ты забываешь, что я солдат, приученный у ночных костров разрывать горячее мясо руками...

.....

Виктор Лагори отпросился в Париж, и Моро догадывался, что сердце его изныло от любви к мадам Софи Гюго, муж которой служил при штабе Рейнской армии. Лагори вскоре же вернулся в штаб, он рассказал, что полиция Фуше схватила в Опере четырех кинжальщиков, которые подкрадывались к ложе первого консула, чтобы его зарезать.

– Театр в этот день был переполнен, а ведь билет в Оперу стоит десять франков... Всюду говорят, что кинжальщиков подначивали на убийство генералы – Массена и Бернадот!

Массена, смолоду пират и контрабандист, всегда имел склонность к авантюрам, а что касается Бернадота...

– Я думаю, – сказал Моро, – он больше корчит из себя якобинца, нежели является им на самом деле... Да и куда деть Бернадота, если он стал шурином Жозефа Бонапарта?

Прогуливаясь по городу, возле почтовой конторы Страсбурга, где путникам меняли лошадей, Моро встретил русского офицера. Чтобы в низкой карете не помять высокий султан, он вынул его из кивера и укладывал в красивый футляр.

– Какого полка у вас форма?

– Конной гвардии, еще со времен Потемкина.

– Хм. У вас отличный парижский выговор.

– Он и должен быть таковым. Еще ребенком я вывезен родителями от ужасов революции, теперь делаю неплохую карьеру в России... Жерар де Сукантон! – назвался молодой человек. – Мне оказали честь, отправив курьером до Парижа, чтобы передать письма для наших пленных. Заодно я могу навестить в Париже и могилы несчастных родственников.

– А ваша семья пострадала от террора?

– Вероятно, если ничего нам не пишут.

– Ищите их на кладбище Пикпус. Но лучше не искать. Там устроили свалку мусора, а природа сама уже озаботилась, вырастив над мусором кусты яркого шиповника.

Моро не скрывал любопытства: как устроились в России французы-эмигранты, каково к ним отношение в дворянстве и простом народе, где бывают, что едят, что пьют.

– Пьем все и едим все, кроме блинов с черной икрой, вы не представляете, генерал, какая это мерзость! Франция все-

гда останется для нас прекрасна, как и Европа для тех бедняков, что населяют в Америке берега Огайо и Миссисипи. Вы, наверное, извещены, как мучителен процесс вживания наших соотечественников в Голландии или Испании – они страдальцы! А в России все иначе: кто не принял ее сразу, тот и бежал из нее, осыпая проклятьями, и такие люди навсегда остаются злобными врагами России. Но кто остался, кто вкусил всех прелестей ее безалаберной, но интересной жизни, тот с Россией уже не расстанется и везде ему будет скучно.

– Чем это объяснить? – спросил Моро.

– Это ничем и не объяснить...

Лошадей подали. Можно ехать. Моро сказал:

– Вы много обяжете меня, если напомним в Петербурге военным людям, сражавшимся со мной в Италии, что я сохранил о русской армии самые лучшие впечатления.

Жерар де Сукантон щелкнул каблуками:

– Повторите, как называется это кладбище?

– Пикпус... Я, – добавил Моро, – никогда не одобрял разгула террора, когда людей преследовали за приставку «де» перед фамилией, тем более что такое же «де» поставлено перед всей Историей Франции, перед всей ее культурой...

Жерар де Сукантон натянул узкие перчатки:

– Судя по вашим словам, на кладбище Пикпус, среди роз и мусора, лежат, наверное, и ваши родственники?

– Нет. Мой отец успокоился на родине в Морле. Он был

адвокатом и умел защищать людей. Но когда очередь дошла до него, он не смог защитить себя. Так ведь тоже бывает, что среди небритых людей чаще всего мы видим парикмахеров.

Жерар де Сукантон отдал ему честь:

– Простите, мсье! Если вашего отца постигла столь жестокая участь, как вы можете служить всей этой сволочи?

Лицо генерала Моро искажилось как от боли:

– Если вы называете так революционеров, то я тоже из этой «сволочи». В том-то и дело, что я всегда служил только народу Франции! Именно чувство гражданина и помогло мне перешагнуть через тело обезглавленного отца...

.....

Зима выдалась холодной, но Париж веселился, до утра гремела музыка танцевальных клубов, в Пале-Рояле одуряюще пахло из парфюмерных лавок... Сидя в кресле, обтянутом утрехтским велюром, Александрина на решетке камина поджаривала гренки к обеду. Моро не удивился, когда она заговорила о том, что в Париже проносится красочный вихрь удовольствий, а она прозябает в Страсбурге – при его штабе:

– Все мои подруги по пансиону тоже вышли за генералов, но у них совсем иная жизнь... Им сейчас не до гренок!

За жалобами юной женщины угадывалась и материнская подсказка: мадам Гюлло хотелось бы мутить воду в Париже, а в Страсбурге она шалела от чтения английских романов. Моро ответил, что дивизионных генералов во Франции не так уж много и быть женою одного из них, наверное, совсем

недурно для красивой женщины, едва вступающей в жизнь.

– Пойми меня. Когда пушки замолкают, в гостиных едва слышен шепот дипломатов, и, пока в Люневиле не оформят прочный мир с Австрией, я останусь при армии, а ты – при мне. Газеты справедливо пишут, что Рейнская армия, составив оружие в козлы, охраняет приятное затишье в Европе...

Жители Страсбурга часто видели генерала Моро; он катал жену в детских саночках по улицам города, целовал в перелуках ее замерзающие щеки. Возле памятника Морицу Саксонскому с пафосом рассуждал о величии его души, о любви, которой одарила полководца знаменитая Адриенна Лекуврер.

– А сейчас, – говорил он, – навестим часовню, где стоят два гроба, заполненные коньяком, и в крепком коньяке много веков плавают, как живые, древний рыцарь и дама его сердца... Она все-таки дождалась его из Палестины!

– Как это ужасно: дожидаться, чтобы умереть...

Между тем в штабе копилось недовольство среди офицеров – честолюбие их страдало оттого, что Бонапарт лишил их наград и призов, которыми столь щедро осыпал Итальянскую армию... Декан откровенно жаловался Лагори:

– Хуже нет иметь дело с такими идеалистами, как наш Моро! Что он застрял в Страсбурге? Ему бы ехать в Париж, бывать на приемах в Тюильри, показываться публике, иначе ведь Франция просто забудет о Гогенлиндене...

Виктор Лагори входил к Моро без доклада.

– Я не хочу никого пугать, но поговаривают о выделении двух особых армий: одну с Леклерком во главе для Сан-Доминго, чтобы подавить восстание негров Туссен-Лувертюра, а другую... Не удивляйся, Моро: другую – в Индию!

– Леклерк в Сан-Доминго, а в Индию... я?

– Нет, решено послать Массена.

– Чтобы он собрал «подарки» с Великих Моголов?

– Кажется, выбор сделан русским царем. Россия обязана выставить тридцать пять тысяч, Массена забирает у нас столько же, по Дунаю он спустится в Черное море до Таганрога, оттуда – в Астрахань... Дело поставлено на широкую ногу! Кроме воздушных шаров Монгольфьера, берут ещё роту балерин из Парижа, ибо Бонапарт считает, что сложные пируэты с задиранием ног выше головы действуют на Востоке лучше, нежели грохот осадной артиллерии.

– И что ты думаешь об этом, Лагори?

– Вряд ли этот план составлен в бедламе. Если расстояния не пугали в древности Македонского, почему же наши ветераны с казаками не могут достичь Ганга?..

Моро страдал: недовольство офицеров Рейнской армии пренебрежением Бонапарта к их заслугам становилось уже слишком вызывающим. Ему пытались доказывать уже доказанное:

– Как же так? Маренго – лишь частный успех в Италии. Маренго не выбило Австрию из седла, напротив, ожесточило. Мы же, победив ее при Гогенлиндене и распалив бивуаки

под стенами Вены, заставили Франца признать свое поражение... Мы вынудили Вену отказаться от борьбы с республикой!

Моро, конечно, догадывался, почему Бонапарт держит Рейнскую армию в черном теле, но ему не хотелось возбуждать горячие головы опасными сравнениями. Он обещал:

– Я пошлю в Париж своего Рапателя, он отвезет списки награжденных, которые я давно составил. Бертье человек порядочный, он, уверен, воздействует на Бонапарта.

– Сейчас уже не те времена, – заметил Гренье, – прежде пусть Рапатель понравится маркизе Висконти, без которой Бертье дышать не может... Увы, но это так!

Моро признавался Александрине:

– Боюсь, нашу армию раскассируют. Мы, кажется, на плохом счету у Бонапарта, он считает нас республиканцами... А как же иначе? Кем нам быть? – спросил Моро. – Или ему приятнее было бы видеть в нашей армии роялистов?

– Пхе! – отвечала Александра...

.....

Роялисты, вдохновляемые из Лондона, трудились в поте лица. Неутомимый Ги де Невилль снова прибыл из Митавы в Париж, тайные агенты проводили его в неприметную конюшню. Здесь, укрытая от чужих глаз, хрумкала сеном старая лошадь, тут же стояла обычная тележка, на ней – бочка, ничем не примечательная. Это была «адская машина», набитая порохом, перемешанным с пулями и гнутыми ржа-

выми гвоздями. Конюшня принадлежала Сен-Режану, бывшему офицеру королевского флота, а помогал ему матрос Франсуа Карбон, убежденный роялист. Закаленные в бурях на море, они надеялись устроить ураган в Париже... Ги де Невилль осмотрел бочку.

– Так чего же вы ждете? – спросил он.

– Гастролей миланской певицы Грассини. Корсиканец находит ее завывания прелестными, а за Бонапартом в Оперу потащится и его бешеная креолка...

– Надеюсь, вами все продумано тщательно?

– Все будет как в хорошем театре, – обещал Карбон. – Тележка с бочкой, оставленная на улице Сен-Никез, не привлечет внимания полиции. Допустимо ведь, что хозяин тележки устал и решил взбодрить себя винцом в ближайшем трактире.

Ги де Невилль заглянул в зубы лошади:

– Если она будет впряжена в тележку, то Жозеф Фуше может сразу напасть на ваш след. У этой развалины изъян в зубах очень характерный... Где вы ее достали?

– Купили на окраине у одного пьянчуги. Кажется, она краденая. Вы не волнуйтесь, Невилль: лошадь обречена, от нее даже зубов не останется.

Сен-Режан особо отметил: улица Сен-Никез, по которой обычно Бонапарт проезжает в Оперу, очень узкая.

– А дома там высокие, отчего взрыв в этом ущелье разобьет все вокруг. В гроб его корсиканского величества поло-

жат мундир со шляпой. А от Жозефины уцелеет один лишь веер, чтобы в пекле сатаны она навевала на себя прохладу...

Ги де Невилль приподнял над головой шляпу:

– Желаю успеха! Ваши имена, господа, уже вписываются золотыми буквами на скрижали французской истории.

12. Адская машина

Быстро минуют годы, и юные офицеры (те, что погибли на Бородине или на высотах Монмартра, те, что позже выстроятся в железное каре на Сенатской площади) не раз еще будут спрашивать на лесных бивуаках донского атамана Платова:

– Граф Матвей Иванович, а как ты в Индию-то ходил?

Один штоф был прикончен. Платов открывал второй.

– А чо? Сижу это я в крепости. Петропавловской, конешно. За чо – сам не знаю. И никто не знает. Но сижу. Ладно-сь. Мы люди станишные, ко всему привышные. Сижу! Вдруг двери – нараспашку. Говорят – к анператору. А на мне рубаха, вошь – во такая. И повезли. Со вшами вместе. Тока тулупец накинули. Вхожу. Павел при регалиях. Нос красный. Он уже тогда здорово употреблял. Больше меня! Анператор спрашивает: «Атаман, знаешь ли дорогу до Гангы?» Я впервой, вестимо, слышу. Но в тюрьме-то сидеть задарма кому охота? Я и говорю: «Да у нас на Дону любую девку сприси о Гангах, она враз дорогу покажет...» Тут мне Мальтийский крест на рубаху – бац! Вши мои ажно обалдели. Велено иттить до Индии и хватать англичан за шулята. Должно было нам Массену поддерживать. Как раз о ту пору из-за Мальты перегрызлись...

...Английский флаг реял над яркою желтизной Мальты,

Павел I пыхтел сердито, ботфорты его скрипели: «Мой духовный патрон, Христов апостол Павел, спасался от бурь на Мальте, и я останусь патроном Мальты...» Император круто изменил курс своего кабинета, поворачиваясь лицом к республиканской Франции, – смелый шаг, очень смелый! Павел открыто восхищался Бонапартом, публично пил во славу консула, в Эрмитаже, проходя мимо бюста Бонапарта, он – монарх – даже снимал шляпу... Петербург с Парижем еще не обменялись послами, зато император с консулом обменивались дружественными письмами. Михайловский замок еще наполняла строительная сырость, в непросохших залах пылали огромные каминные.

Генерал Егор Максимович Спренгпортен явился в замок.

– Поедешь в Париж! Бонапарт, к нам благожелательный, возвращает пленных – с оружием и знаменами, не требуя от нас, чтобы мы вернули пленных французов. Ты возьмешь этих солдат, и они станут моим гарнизоном на Мальте...

Отправив Спренгпортена, Павел задумался – чем отблагодарить Бонапарта за все его любезности? Принял решение:

– На что нам эти нахлебники версальские? Гнать из Митавы графа Прованского без пенсии, чему, я думаю, господин первый консул Франции чрезвычайно возрадуется...

Сказать, что Людовик XVIII был удален из дворца Биронов, нельзя: его просто «вытурили» на улицу со всем барахлом, строжайше наказав, чтобы убирался куда глаза глядят. В лютую морозную ночь, утопая в глубоких сугробах, коро-

левский «двор» тронулся в санях до прусского Полангена. Но король Фридрих-Вильгельм III, уже получавший трепку от республиканцев, боялся вызвать гнев Бонапарта и потому отказал в приюте своему коллеге по королевскому ремеслу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.